

The book cover features a detailed illustration of a young woman with long, flowing red hair, looking upwards with a contemplative expression. She is wearing a white long-sleeved shirt with floral patterns, a green vest with gold buttons, and a blue shawl with red and yellow floral motifs. Her right hand is extended, holding a small, glowing orange flame. The background is a rich, warm brown with intricate golden line art depicting a large, open book, a dinosaur skull, and various leaves and flowers. The title is written in large, stylized golden Cyrillic letters, and the author's name is at the bottom in a similar font.

ЛЮКО МЕДЬ И МЁД

Яна Лехчина

Лихо

Яна Лехчина

Лихо. Медь и мёд

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лехчина Я.

Лихо. Медь и мёд / Я. Лехчина — «Эксмо», 2023 — (Лихо)

ISBN 978-5-04-184554-4

В северных лесах появилось лихо – получеловек-полуволок, созданный неизвестным колдуном. Народ напуган, а между чародеями зреет раздор: каждый стремится уличить другого в использовании запретных сил. Колдунья Ольжана оставила один чародейский двор, чтобы примкнуть к другому, и это обернулось для нее бедой. Теперь чудовище идет по ее следу. Ольжана спасается в кибитке лекаря из ордена охотников на ведьм – вместе они пересекают страну, надеясь уйти от погони. Улочки стольных городов, оживленные базары, глухие деревни... Чародеи спорят, а лихо рыскает по болотам и туманным полям. Ольжана понимает, что ей не скрыться от чудовища – и что тот, кто его сотворил, желал лишь одного: посеять смуту. Первая книга трилогии, открывающая мир темного славянского фэнтези. Яна Лехчина – автор популярного фэнтези «Год Змея» и «Змеиное гнездо». Постоянное напряжение, в котором держит история, – ведь по следам героини идет неведомое зло. Многослойный сюжет, в котором настоящее переплетается с прошлым, а будущее может стать слишком мрачным. Интриги чародеев разных дворов, коварные и наивные правители – и простая чародейка, пытающаяся выжить. Издание дополнено картой, а обложка нарисована популярной художницей Таней Дюрер в необычном стиле современного арнуво.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184554-4

© Лехчина Я., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава I. Терем в чаще	10
Глава II. Птицы и колокола	22
Глава III. Время раздоров	37
Глава IV. Недобрые люди	53
Глава V. Соль и серебро	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Яна Лехчина
Лихо. Медь и мёд

Не буди лихо, пока оно тихо.
Русская пословица

© Лехчина Я., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Догорела одна из лучин, и в землянке стало ещё темнее, чем было.

Раздался тихий вздох – нет, мол, так никуда не годится. Не хватало ещё ворожить, подслеповато шурясь.

Пальцы нашарили другую лучину. Подожгли её, вставили в светец, но перед этим поднесли огонёк к лицу мужчины. Это был молодой дружинник из Стоегоста. Веки его дрогнули, но не поднялись – хорошо, значит, чары одурманили на славу.

Лицо дружинника до сих пор выглядело растерянным и хмурым. Оно было красиво, это лицо, – совестно портить то, над чем корпела природа, но что поделать? Легче было бы работать над тем, кто, ударившись в разгул, давно утратил человеческий облик, но такого ещё попробуй найди. Да не простого, а с раскроенной душой – чтобы проще распарывать. Не срослось. Как получилось, так получилось. Что теперь размышлять?

Рука метнулась выше, и лучина осветила стол целиком. Пожалуй, затащить сюда дружинника оказалось сложнейшим из всех дел. Стоегостский господарь не держал при себе хлипких юношей, а жаль – сослужил бы добрую службу тем, кто подыскивал себе жертву для тёмной ворожбы.

Снова – вздох.

Ах, ворожба.

Скажешь «Вольные господарства», и люди представят себе соборы и терема, пёстрые базары и разудалых воинов, что борются на поясах в ярмарочный день, – подходите ближе, румяные зеваки, да полюбуйтесь, каких силачей рождает эта страна!.. Люди вспомнят о хитрых бравых господарях, которые то воюют с соседями, то сватают за них своих дочерей. Вспомнят и об их господарынях: пока одна кротко прячется в глубине расписных хоромин, другая подаёт послам чаши с ядом.

Все знают, что Вольные господарства – богатые, дикие земли. Их леса раскидисты. Их реки полноводны. Их полям не видать конца и края – чёрная почва благодатна для любых семян, но лучше прочего здесь всходят семена колдовства.

По лицу дружинника скользнула полоска света. Огонёк перекинулся с лучины на маковку восковой свечи. Одна свеча, вторая: фитили распускались колыхающимися цветами, совсем как в златоглавых соборах.

Это становилось почти смешно. Нет уж, сейчас не до соборов, и думать хотелось совсем не о них, а о колдовском ремесле.

Если скажешь «колдуны Вольных господарств», люди – и чужаки, и сами господарцы – скорее переиначат сплетни о чародейских дворах пана Авро и госпожи Кажимеры, словно и нет других дворов. Охотно расскажут о тысячеликом старике, который учит своих подопечных

менять внешность, точно одежды, и вспомнят о женщине, в чьём тереме живёт множество чародеек-птиц – эти девушки распутывают ниточки человеческого разума и ловко свивают их заново. Они играют чувствами и воспоминаниями так же, как двор пана Авро – телами. Но эта волшба – для дворцовой борьбы и шёлкового наушничества, а Вольные господарства – больше, чем стольные города.

Не правда ли, *дружинник*?

Скрипнул стул. На стол поменьше высыпались ножи и иглы, причудливые щипцы и испи-санные листы пергамента и жёлтой бумаги. На одних виднелись только крючковые буквы, на других – ещё и чернильные рисунки. Это было грозное существо – получеловек-полуволок, нарисованный с одного бока и другого, по грудь и в полный рост.

Волчьи шкуры лежали тут же, на полу. А рядом – череп, скалящийся пустой хищной пастью.

Это была славная задумка: страх неведомого зверья у господарцев в крови. Узнаешь, где оно рыскает, если выглянешь за городские стены и посмотришь на север – туда, где туманные боры и бездонные реки. Здесь между соседними деревнями – долгие, долгие вёрсты да перекошенные избы, огороженные частоколом. На дверях – охранительные знаки, ибо никогда не знаешь, кто попросится на твой порог. Живой или мёртвый? А может, то принесло чародеев из лесных чертогов?

Все в господарствах суеверны, но никто не блюдёт древние обычаи ревностнее, чем жители далёких селений. Они-то знают – промашка дорого обойдётся. Так и следуют старым заветам: не ходи проверять, если ночью услышишь, как кто-то скребётся в твои ворота. Не купайся в цветущем озере. Не позволяй человеку, которому не доверяешь так же, как самому себе, увести тебя в чащу – даже если твой проводник выглядит безобидным.

Или *особенно*, если твой проводник выглядит безобидным. Из тех, что дружинников на стол играючи не закидывают.

Уголок рта оттянулся, насмешливо прищёлкнул: да уж, этому воину следовало быть осмотрительнее! Если он и покидал родной Стоегост, то наверняка по поручению своего господаря – собирать дань и умирять непокорных. Едва ли няньки пели ему о зимних ночах и волках-оборотнях, воющих на белолицую луну. Скорее баяли о ратных подвигах, но где они сейчас, эти подвиги? Помогут ли дружиннику его кинжал или лук? Выручат ли крепкие кулаки?

Не помогут. Не выручат. Потому что в этих землях есть сила куда страшнее.

Стул заскрипел снова – довольно рассиживаться. На стену, медовую в отблеске свечей, легла тень.

Руки ощупали скулы, челюсть и подбородок – крепки ли у дружинника кости, толста ли кожа? Перед тем как начать, следовало оценить гибкость суставов, измерить частоту дыхания и сердечного стука... А потом – стянуть с тела одежду и обтереть его тряпицей, смоченной в крепкой настойке.

Тень на стене удлинилась, сгорбилась.

Пальцы продолжили скользящий бег, но теперь под подушечками заклубилась чёрная волшба. Прикосновения оставляли на дружиннике следы, похожие на сажевые росчерки. Метки на лице и шее, животе и рёбрах, конечностях – словно портной подготавливал ткань к раскрою.

Из инструментов на столе выбрать тонкий нож, прокалить его над свечным огнём... Лезвие не успело проложить первую линию вдоль грудины, когда дружинник встрепенулся и приподнял веки. Глаза его были шалыми, невидящими.

Зрачки тревожно забегали и с трудом остановились на чужом лице.

– Ты? – Дружинник облизнул губы. Ему не было больно, только страшно. – Что... где...

В глазах – ни единой целой мысли.

– Всё хорошо. – Голос успокаивающий и почти ласковый, будто дружинника не удерживали здесь силой. – Не тревожься.

Рука подхватила чистую тряпицу и промокнула начатый разрез.

Дружинник мотнул головой, но не сумел завершить движение – на него с новой силой навалилась дурманная колдовская тяжесть.

– Отпусти, – прохрипел только. – Пожалуйста.

– Обязательно отпущу. – Это даже не ложь, а изящная полуправда. – Чуть позже.

Взгляд дружинника снова дёрнулся, остекленел. Слепо скользнул по заколоченному оконку и низенькому потолку.

– Сейчас, – повторил упрямо. Волшба не оставила в нём ярости, и по его щеке, едва не смазав росчерк, скользнула бессильная злая слеза.

В этот раз ему не ответили – чары окрепли, и дружинник вновь провалился в сон. А тонкий нож продолжил своё дело – сместился и замер над дружинниковым сердцем. Оно билось ровно, но медленно, и сквозило от него грубым чародейством: точно хотели осторожно поддеть жилку, но вместо острого инструмента использовали тупой – вот и пробили, расковыряли... Обыкновенно ученицам госпожи Кажимеры ничего не стоило приворожить такого молодого воина, как этот, но, видно, над беднягой орудовала совсем неумелая девица. Вот и истаскала душу так, что теперь та сама расслаивалась и отходила от тела, как переваренное мясо – от костей. Удобное сырьё для ворожбы, ничего не скажешь. Режь и шей как вздумается.

Вот и оставалось резать и шить – кожу и связки, жилы и мышцы... Отчаяние и жажду мести. Переворачивать, полосовать и накладывать ровные стежки. Сплавлять человеческое тело с чёрными дымными чарами и приваривать его к волчьим шкурам. Крошить душу и лепить из неё новую, поизмученнее.

Свечи таяли и капали воском. Тень на стене то устало распрямлялась, то сутулилась ещё сильнее.

В корыто на полу падали намокшие тряпицы и иглы с затупленными ножами: кровь на них была уже не красная, а вязко-чёрная, словно смола. Такая принадлежала не человеку и не зверю – чудовищу.

Обе руки были заняты. Правая шила, левая придерживала края раны – оттого упавшую прядь волос пришлось убирать неловко, движением предплечья. Но лоб взмок, и прядь никак не убиралась.

Тяжело, конечно, но лишь потому, что долго – наверняка займёт не один день. Работа эта была кропотливая, требующая сноровки и особой внимательности, а что о колдовстве... Если умение ляжет на характер – нет, совсем не тяжело. Напротив, не сыскалось бы дела легче, чем превращать человека в чудовище.

Иногда для этого даже не требовалось плести чары.

Глава I. Терем в чаще

Тук-тук-тук.

Сердце билось громко и горячо – того гляди и лопнет.

Грудь пылала, а язык присыхал к нёбу. По ногам хлестала холодная трава. Руки с трудом удерживали ребёнка: Ясек был мал, но здоров и тяжёл, так тяжёл, что Ольжана не знала, сумеет ли его донести, – а над полем неумолимо вставало солнце.

Хрусть. Хр-русть.

Земля замёрзла за ночь, и теперь под подошвами ломалась ледяная корка. Ольжана бежала на восток, и у неё рябило в глазах от розовых и рыжих полос. Всё виделось в розовом и рыжем: заиндевшая трава, светлеющее небо и холм, на котором стояла родная деревня.

Только лес, оставшийся за их с братом спинами, был чёрным.

Ольжана оглянулась – над деревьями с граем кружили птицы. В их деревне говорили: никогда не знаешь, какое животное в Чернолесье взаправду животное, а не ученик колдуна, живущего в чаще.

Превеликие Персты! Или Тайные Люди, Ольжана не знала, к кому ей взывать. У неё колело в боку, а на глаза наворачивались слёзы. Колдун из леса сказал: если Ольжана не успеет вернуть брата домой до рассвета, то он его заберёт, – а солнце вставало так быстро...

Ольжана споткнулась и покатилась кубарем по траве. Ясек выскользнул из её хватки, но не заревел, только захныкал – недаром колдун сморил его чарами.

В голове зазвенело. Мир стал расплывчатым, и мгновение Ольжана не понимала, где верх, а где низ. Подтянув к себе брата, она взбрыкнула ногами и попыталась встать – ничего не вышло. Ольжана промучилась всю ночь, надеясь выбраться из леса, а сейчас, когда уже видела свою деревню, понимала, что у неё не осталось сил.

Конечно, всё это было неспроста. Ольжана не понравилась колдуну, назвавшемуся ей Йоваром, хозяином Чернолесья. Он хотел поизмываться над ней и сделать всё, чтобы в его тереме остался Ясек, а не она. «Твой брат, – говорил он ей, – окажется полезнее, чем ты». Ольжану, по словам колдуна, будет трудно обучить, она слишком взрослая – тринадцать лет, а зимой – уже четырнадцать. К тому же она девка, а с девками – тут он сплюнул – всегда много хлопот. Если уж можно выбирать, то кому нужны слуги, с которыми полно мороки?..

«Не на меня злись, – хмыкал Йовар, – а на своего папашу. В следующий раз неповадно будет врываться в мои владения».

А толку злиться?

Ольжана стиснула зубы, перехватила Ясека и поднялась на ноги одним неуклюжим рывком. Ей было до тошноты жарко – хотя здесь, на севере, не стоило бегать осенним утром в простом сарафане. Но ещё в лесу Ольжана стянула свою душегрею и обернула ею брата, чтобы тот не замёрз.

– Нам недалеко осталось. – Она торопилась, неловко подволакивая ногу. – Слышишь? Ясек, наверное, не слышал, лишь морищился в чародейском сне.

– Чуть-чуть совсем. – Ольжане не хватало воздуха, но ей казалось, что если она замолчит, то развалится на части.

Чтоб его, колдуна! Он сам предложил отцу Ольжаны: если у того есть другие дети, пусть любой из них придёт и займёт место этого младенца. Видно, Йовар надеялся на кого угодно, только не на мягкотелую купеческую дочку – по Ольжане с первого взгляда было видно, до чего же она домашняя девочка.

Её губы были сухими и лопнули, стоило Ольжане утереть их рукавом. Она любила иштьё и сплетни и боялась не то что чёрного леса – своей тени; но это она была старшим ребёнком купца, свернувшим с большака в чащу, и это она подслушала, что отец – воротившийся без Ясека, за ночь постаревший лет на десять – рассказывал опешившей матери.

Солнце показалось наполовину. Ольжана поднималась по холму.

– Этот колдун – дурак, ты знаешь? – Она шумно дышала и смотрела перед собой стеклянным взглядом, а Ясек сопел ей в ответ. – Он решил, что я не успею и отдам тебя ему.

Она криво улыбнулась и перехватила Ясека под спину.

– Но я тебя не отдам.

* * *

Юрген даже не удивился, когда отыскал мальчишку на кухне. Где ещё отсиживаться новеньким? Чародейский терем был огромен, но никто бы не решился прятаться в чужих спальнях. Во дворе же часто упражнялись старшие ученики Йовара, напускавшие на себя такой грозный вид, что Юрген сам предпочёл бы держаться от них подальше, если бы был не юношей, а маленьким несмышлёнышем, только попавшим в услужение к колдуну.

– Ну. – Юрген пригнулся, чтобы не задеть дверной проём. – Давай знакомиться.

Их кухня была маленькая – даже чересчур маленькая для избы, где жило и воспитывалось больше десятка чародеев. Здесь редко готовили, за стряпню у них отвечала Букарица, и Юрген решил, что надо будет показать её мальчишке. Только не сейчас – попозже, когда тот слегка привыкнет.

Мальчик сидел за столом. Он был тощий, взлохмаченный и рыжий, уже дочиста выкупанный. Торопливо черпал кашу огромной ложкой, но, когда Юрген вошёл, поперхнулся и замер. Скосил глаза на Бойю, крутящуюся у печи, – кто это, мол? Опасный или не очень? Но Боя варила зелье и даже ухом не повела. Перекинула за спину чёрную косичку, выбившуюся из высокой причёски из кос и распущенных волос, и вытерла руки о передник – белый, как сорочье брюшко.

– Не пугайся. – Юрген устроился на скамье напротив. – Ешь.

Мальчик продолжил, но настороженно. Навскидку ему было лет восемь – Йовар обрадуется, когда вернётся. Дети легко учатся, и из восьмилетнего ребёнка можно вырастить искусного колдуна. Йовару это важно, ученики для него – глаза и уши с тех пор, как он рассорился с другими главами чародейских дворов и потерял право выходить за пределы родного леса.

– Ну раз ты пришёл, – произнесла Боя, измельчая травы в ступе, – забирай его и возись с ним сам. Извини, Сава, но у меня других дел полно. Понимаешь, у каждого из нас свои обязанности и раньше за желторотиками присматривала Ольжана, но что прикажешь делать, если её теперь нет? – Боя развернулась и вскинула тонкую чёрную бровь. – Ха! Попробуй

уговорить кого-нибудь заняться новенькими – у нас же тут все важные чародеи, у всех свои серьёзные чародейские дела, одни мы с Юргеном бездельники. Да, Юрген?

Тот улыбнулся. Они с Бойей были единственными, кого новенькие не боялись, – или, может, единственными, кто не хотел их шугать.

Бойя шутливо потрясла большим ножом.

– Возмутительно. К слову, Савушка, я нашла тебе ещё одежду, заberi её... Да, вон там, на скамье. Чего ты удивляешься? Посмотри на нас, мы все ходим в чёрном, синем или, ну, скажем, каком-нибудь вересковом... Можно сказать, что это негласные цвета нашего двора.

– Цвета чего? – переспросил Сава, а Юрген вздохнул.

– Я объясню. Спасибо, Бойя. – И добавил, не удержавшись: – Только *не треици*, пожалуйста, а то совсем как сорока.

Наверное, по Бойе сразу можно было понять, в кого она превращалась – шумная и тонкокостная, любившая блестящие серебряные украшения едва ли не больше, чем Ольжана.

– Хорошо, не буду. – Бойя сощурилась. – Ну тогда ты уж рассказывай, не отмалчивайся. Правда ведь: не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой.

Ответ был засчитан.

Юрген перевёл взгляд на мальчишку. Теперь Сава облизывал ложку и посматривал из-под бровей иначе – не испуганно, а с любопытством. Великое ли дело – рассказать ему обо всём!.. Но Юрген смешался, внезапно понял, что не знает, с чего начать. Помедлил, прочистил горло и мысленно признал: да уж, Ольжана знакомилась с детьми куда непринуждённое.

– Что ж, Сава... – пробормотал он. – Ты слышал, меня зовут Юрген. Я один из учеников Йовара.

– Он его любимчик, – бросила Бойя через плечо. – О, не бойся, я не говорю так Хранко. Ах уж эти выросшие мальчишки, Сава, вечно соперничают!..

Юрген удивился и хотел было ответить, что делить им нечего, но промолчал. Подумал: неужели Хранко рассказал Бойе что-то, заставившее её подумать об их *соперничестве*?

– Не слушай её. Мы живём дружно. – Юрген почесал нос. – По большей части. А теперь скажи, что ты уже знаешь?

Сава заёрзал на лавке.

– Это изба лесного колдуна. Когда он вернётся, то возьмёт с меня клятву. Я буду служить ему восемь лет, а взамен он станет обучать меня всякому ведовству. И кормить меня будет, и держать в тепле. Но это если я ему понравлюсь. А если не понравлюсь, он меня сожрёт.

Бойя криво усмехнулась. Юрген закатил глаза.

– Последнее – кто сказал?

Сава раскинул руки:

– Парень. Высокий такой. И широкий.

– Это Якоб, – произнесла Бойя, кружа над своим варевом. Ненадолго обернулась: – Познакомьтесь ещё. Ну, Юрген, перестань играть желваками, что с Якоба взять? Не первый год его знаешь. Нет, Савушка, никто тебя есть не будет. Разве что я сейчас в зелье закину, если слабоватое выйдет...

Шутки Бойи не казались угрожающими, и Сава только фыркнул. Но Юргену всё равно стало за него обидно: ясно ведь, что мальчишка – беспризорник и, как и многие другие, отправился в эту избу в надежде, что здесь ему дадут пропитание и приют. Нашёл Якоб кого запугивать.

– Никто не сделает тебе дурного, – сказал Юрген. – Но ты должен понимать, что клятва есть клятва. Слово, данное колдуну, нельзя нарушить. Если надеешься обхитрить кого-то из нас, лучше сразу уходи, иначе добра не сыщешь. То, что прикажет Йовар, надо исполнять беспрекословно: скажет учить – будешь учить. Скажет бежать или лететь через лес – будешь

бежать или лететь. Служба у него суровая, а лентяев он не терпит. Но если согласишься, то постигнешь чародейскую науку и станешь как мы. Тебе есть куда возвращаться, Сава?

Тот махнул головой.

– Мамка недавно померла. Батя ушёл на заработки в Борович, только от него много лет ни слуху. – Ковырнул столешницу грязным ногтем. – Я с тёткой жил. У неё своих детей полно, она едва меня терпела. Прошлый год вышел совсем голодным, и тётка как с цепи сорвалась. Колотить принялась больнее, чем обычно, ну я и дал дёру.

Почти все ученики Йовара выросли из детей, которым некуда было податься, – голод казался им страшнее неведомого колдовства. Только Ольжана родилась в богатой семье: её отец был зажиточным купцом из местечка под Боровичем. В год, когда она пришла, Йовару настолько не хватало учеников, что он заставил купца свернуть с дороги в лес – а потом наигранно рассердился и потребовал плату ребёнком.

Эх, Ольжана-Ольжана.

Сава заглянул Юргену в лицо.

– Я лениться не буду. Тётка говорила, что я ленивый, но это неправда. – Помедлил, начал осторожно: – Господин колдун, вот ты сказал: «Скажет лететь через лес». Меня научат летать?

Глаза – восторженные и большие, как позеленевший от времени тяжёлый господарский медяк.

Юрген хмыкнул.

– Господин колдун! – повторил эхом. – Не вздумай так назвать Йовара, озверееет. И к нам обращайся только по именам.

Он поднялся, докинул мальчишке ещё каши, а горшок предусмотрительно отставил подальше от печи – Бойя бросала коренья в свой котелок, и брызги летели во все стороны.

– Нас зовут перекидышами или перевёртышами. – Юрген снова сел напротив. – Иначе – чародеями-оборотнями. Первое, чему учится каждый из нас, – обращаться в животное. Это может быть зверь, рыба или птица, насекомое или пресмыкающееся – словом, всё что угодно, но всегда одно и то же. Оборотничья форма способна многое рассказать о нраве чародея, но кто ты, узнаешь, только когда впервые перекинешься. И если обратишься в птицу, конечно, сможешь летать – как Бойя-сорока.

Сава так и не донёс ложку до рта.

– Превеликие Длани!

Бойя засмеялась и сказала ласково, с жалящей хитрецей:

– Оставь своих Дланей за порогом, Савушка. Мы тут чтим духов и Тайных Людей.

– Обыкновенно, – продолжал Юрген, – чародей впервые перекидывается через год учёбы.

– Ольжана перекинулась только спустя три, – напомнила Бойя, помешивая зелье веточкой шиповника. – Йовар ей за этот срок чуть всю душу не вытравил. Но Ольжана была старше – не помню, чтобы сюда ещё приходили подростки... А ты, Юрген?

– Помню, – отозвался неохотно.

– Понимаешь, – начала Бойя, – Юрген застал больше учеников, чем я. Когда заканчивается срок службы, не все покидают Йовара. Если чародей преуспел в волшебстве, отчего бы ему не остаться? Мы продолжаем постигать колдовство, уже не связанные никакими клятвами, как свободные люди. Я при Йоваре тринадцать лет. Хранко – сердце моё – семнадцать. Юрген младше нас, но живёт здесь дольше всех.

– Сколько? – спросил Сава с набитым ртом.

Юрген догадывался, что считать он не умеет, но покорно ответил:

– Двадцать.

Сава нахмурил жиденькие рыжие брови.

– А лет тебе сколько?

– Двадцать, – повторил Юрген, чувствуя себя бараном. – Это ничего не значит.

– Не скромничай, – усмехнулась Бойя. – Колдуны не любят брать себе в обучение младенцев, кому охота с ними нянчиться? Поэтому Юрген исключителен. Он говорит: «Чародей впервые перекидывается через год», но попробуй спросить его, когда он впервые перекинулся сам, не вспомнит – так был мал.

– Ну хватит. – Юргену это не нравилось. Будто Хранко поддразнивал его через Бойю.

Сава подпёр щеку ладонью.

– В кого ты обращаешься?

– В собаку. – Вздыхнул с облегчением: сменили тему. – В большого чёрного пса. Якоб, которого ты видел, – в вепря. Хранко, жених Бойи, перекидывается в ворона, а Йовар, как хозяин леса, конечно же, в медведя. Тоже чёрного – да, многие из нас превращаются в чёрных животных.

Сава поскрёб ложкой о дно тарелки:

– А Ольжана, про которую вы говорили?

Во рту у Юргена стало горько.

– В малиновку, – ответила Бойя вместо него. – Перистый шарик с оранжевой грудкой. Мы должны были заметить, как сильно она отличается от чародеев нашего двора, но отчего-то не заметили.

Лгунья. Бойя была подругой Ольжаны, и уж кто-кто, а она наверняка многое знала и подмечала.

– Что с ней стало? – нахмурился Сава. – Её убили?

– Нет, – быстро произнёс Юрген. – Срок её клятвы истёк, и она ушла. Вот и всё.

Конечно, никакое не «вот и всё» – то, куда Ольжана ушла, поразило их всех, и Юргена – едва ли не больше остальных. Ольжана была ему как родная сестра.

Бойя переставила котелок в печь и, поймав взгляд Юргена, сверкнула белыми зубами.

– Расскажи ему, – предложила она. – Пусть знает.

Ладно уж. Пусть.

Юрген встал и пошарил по столам вдоль стен – на кухне валялась тьма чужих безделиц. Наконец он нашёл среди вещей Бойи узловатую веточку и огарок свечи и выложил их перед Савой вместе с камешком и затёртой пуговицей. Для наглядности.

– В Вольных господарствах, – сказал он, – есть четыре чародейских двора. Раньше был пятый, но теперь он уничтожен. Дворы как мастерские, и у каждой из них свой подход к волшебству. Во главе дворов стоят искуснейшие чародеи, объединившиеся друг с другом в совет, названный Драга Ложа.

– Совет. – Бойя закатила глаза. – Чародеи Драга Ложи давно друг с другом не советуются. Йовар вообще с ними в великой ссоре – они запретили ему выходить за границы его владений.

– Так вот, – продолжал Юрген, указывая на ветку; Сава следил за его пальцем и не дышал. – Это мы, Дикий двор. Не знаю, кто придумал название – может, сам Йовар, чтобы посмеяться над тем, что нас считают дикарями. Мы живём в Чернолесье и черпаем силы из природы. Подчиняем себе реки, и деревья, и землю, и свет солнца и звёзд.

Юрген постучал по камешку.

– Это – Горный двор. Его ещё зовут Горестным, потому что у них вечно кто-то о чём-нибудь да скорбит. Им правит господин Грацек – кажется, единственный из чародеев Драга Ложи, которого Йовар хоть сколько-нибудь выносит. Колдуны Горного двора обитают в замке, высеченном прямо в скале, и вороват над драгоценными камнями, металлами и огнём.

Вряд ли Сава считал, что он всерьёз. Может, принимал за красивую сказку, но не перебивал.

Юрген приподнял свечной огарок и царапнул ногтем по воску.

– Во главе Двора Лиц стоит пан Авро, хитрый, как тысяча лисиц. Он и его ученики не только перекидываются в животных – они знают, как сменить одно человеческое тело на дру-

гое. Я слышал, они способны вылепить себе любое обличье. Ну а это, – Юрген пододвинул к Саве пуговицу, – пусть будет Звенящий двор. Двор госпожи Кажимеры и её учениц – она берёт к себе только девушек, перевёртывающихся в птиц. Госпожа Кажимера – злейший враг Йовара и могущественная колдунья, способная управлять человеческими чувствами и волей. Как и пан Авро, она не прячет свой двор от обычных людей.

Юрген вздохнул.

– Госпожа Кажимера обитает в Стоегосте, и я знаю, что юный стоегостский господарь считает её своей главной советчицей. И это к ней ушла Ольжана, когда закончился срок её службы Йовару.

Сава поморщился.

– Так можно?

– Нет, конечно. – Лицо Юргена стало непроницаемым. – Нельзя менять один двор на другой. Вернее... Я не знаю, чтобы кто-то так делал. Йовар не всегда жаловал Ольжану, но в конце концов признал, что она – хорошая колдунья. И предложил ей остаться у нас, ведь куда она могла пойти? Семья, может, и приняла бы её, а остальные? Если человек преуспел в чародейском ремесле, он уже не сможет жить так, как раньше. Тем более что все знания и силы – при чародейских дворах... – Юрген помотал головой. – Не знаю... Полгода прошло, а я до сих пор не верю, что так вышло.

Он уже говорил не с Савой, а сам с собой – многое ли может понять ребёнок, если дело касается таких важных для колдунов вещей?

– Так что, Савушка, – произнесла Боя назидательно, – ты сбегать не думай. Йовар Ольжану упустил, а других уже не упустит. Ты наелся, солнце?

Сава послушно закивал.

– Вот и славно. Устал, наверное? Ещё бы, столько случилось за день... Хватит с тебя. Юрген, отведи его отдохнуть.

Юрген дождался, пока Сава спрыгнет с лавки и возьмёт куль с одеждой, и провёл его по коридорам к одной из комнат, где жили младшие. Сейчас там было пусто. Юрген с Савой быстро приготовили тому место для сна. Разморённый и наевшийся, наслушавшийся разных историй, неизвестно сколько блуждавший по лесу, мальчишка уже дремал на ходу.

– А если хозяин воротится, – спросил Сава, зевая, – разбудишь?

– Разбужу, – пообещал Юрген. – Но ты его пока не жди. Йовар ушёл далеко в лес – вернётся через несколько дней.

Сава кивнул, шлёпнулся на кровать и зарылся носом в подушку. Юрген прикрыл ставни, через которые в комнатку бился вечерний свет.

– А он точно меня не покалечит?

– Ну что ты. – Юрген развернулся. – Йовар не калечит тех, кто пришёл у него учиться.

Нет, было однажды – помнишь?

Ещё бы. Кому помнить, как не ему?

Юрген посмотрел на закрытые ставни. Перевёл взгляд на ребёнка.

– С тобой-то уж точно ничего не случится, – произнёс он уверенно. – Не беспокойся.

* * *

Весна в этом году пришла поздно, хотя будь на то воля Юргена, она вообще бы не приходила.

В Борожском господарстве, а уж особенно в Чернолесье, зимы были долгими и суровыми, но Юрген всё равно их любил. Зима – время, когда люди объединялись, чтобы совладать с природой. Господари не начинали войн, а соседи-крестьяне старались не ссориться друг с дру-

гом. Ученики Йовара держались вместе – тишь да гладь, будто весь свет впадал в затяжную спячку, и не было никаких дел, кроме мирного хозяйства и колдовства.

Зима-зима... Снега выпадало по пояс, и весь лес был бел и пушист. Вот вернёшься в терем, сам похожий на исполинский сугроб, скинешь шубу и пойдёшь в кухню – а там уже битком народа. Все тянутся к обычному человеческому огню: можно было, конечно, разводить чародейские костры, но Йовар считал колдовство тончайшим из ремёсел и редко позволял прибегать к нему в быту. У колдовства всегда есть цена, говорил он. И повторял с ворчанием старика, что чары не берутся из ниоткуда – это силы, ум и здоровье чаротворца. «Если спросить у художника, как пройти в лавку, разве он начнёт писать картину в ответ? А станет ли танцовщица прыгать и кружиться вместо того, чтобы просто пересечь комнату и взять чашу с водой?..»

Чем старше и сильнее становились ученики, тем больше Йовар им позволял – уже не так боялся, что чары выпьют их досуха. Однако множество хозяйственных дел Юрген делал руками, а не колдовством. Поэтому зимними вечерами он возвращался – как услужливо поясняла Ольжана – усталым как собака. Сколько раз он так садился у печи среди других учеников Йовара, ставших ему родными? Помнил как сейчас: кухонные окна – в морозных узорах, через которые пробивался лунный свет. Ольжана беседовала с младшими, собравшимися вокруг неё, и ткала новое заклинание – в эти моменты она выглядела как обыкновенная деревенская девушка за шитьём. Бояя грелась между котлов с зельями, лениво перелистывая страницы книг. Якоб врывался в кухню с разудалым грохотом, всегда забывая закрывать за собой дверь, – за ним тянулся холод, а с его одежды сыпался снег. Иногда он наступал на Чарну, свернувшуюся под скамьёй чёрной кошкой, и та свирепо шипела на него в ответ. В те зимы, о которых думал Юрген, Чарна только перешла из младших учеников в старшие и ещё свыкалась со своей оборотничьей формой. Вот и проводила в ней много времени.

Порой к ним заглядывал Хранко. Это было невиданное событие: обычно он коротал дни в своей деревянной, пристроенной к терему башне в окружении рукописей и ручных воронов. Он выглядел чужеродно в шуме и жаре кухни. Морщил горбатый нос, устраивался рядом с Якобом, который чуть не сбивал его кувшином с сидром, и косился на хохочущих Бойю, Юргена и Ольжану – Юрген догадывался, что Хранко и приходил-то к ним только ради Бойи. Как бы там ни было, он не ворчал и не цедил яд, а степенно выдерживал их трескотню.

Да уж, зима – славное время.

А вот весной начинались раздоры.

– О чём задумался, господин колдун?

Юрген поднял глаза. Сава ковырял землю длинной веткой.

– Поднатужься вспомнить моё имя, – посоветовал он.

– Юрген. – Сава улыбнулся хитровой улыбкой. К новому дому он привыкал быстро. – Звучит странно.

– Это из древней льёттской песни. – Чернолесье находилось на самой границе Вольных государств. Севернее – только морской пролив и каменистые острова льёттов. – О конунге Юргене, которого в младенчестве нашла семья простого рыбака.

Тут же подумал, что это прозвучало вычурно, и смутился. Но Сава только задумчиво наморщил нос.

– Кто же тебя так назвал? Главный колдун?

– Нет. – Юрген улыбнулся уголком губ. Едва ли Йовара можно назвать ценителем песен. – Давным-давно у Йовара был ученик, Чеслав. Очень одарённый.

– Он сейчас здесь?

– Ну сказал же – был. – Юрген обвёл двор страдальческим взглядом. Небо подёрнули первые тени сумерек, а с востока тянулись тучи. – Он уже много лет как не здесь.

Если Саве и было дело до бывших учеников Йовара, то только по одной причине.

– А в кого он обращался? – спросил будто бы ненароком, поддевая носком ком земли.

Младшие всегда с жаром визнавали об оборотничьих формах – не успевали попасть к Йовару, как уже размышляли, в кого могли бы перекинуться.

– В волка. Серого. – Юрген перехватил тяжёлую палку. Посмеиваясь, он уселся на заднее крыльцо и достал из-за пазухи нож. – Что, впечатлился?

Глаза Савы блеснули – он подался вперёд и плюхнулся на крыльцо рядом с Юргеном.

– О. – Выдохнул. – Я тоже хочу превращаться в волка!

Ещё бы. Никто не хотел становиться щукой или жуком-оленом, и Юрген не мог их за это винить.

– Всякое может случиться, – сказал он осторожно, принимаясь вытёсывать кол. – Но знай, что обычно так не бывает. Не припомню, чтобы в Вольных господарствах, а уж тем более – при одном дворе, появлялись чародеи, которые превращались бы в одних и тех же животных.

– А я другим волком буду. – Сава хмыкнул. – Чёрным как ночь.

Юрген приподнял брови.

– Ты же рыжий.

– О-ой, скажешь тоже. – Сава скривился. – Сам-то вон какой белобрысый! А превращаешься в чёрного пса.

Юрген был вынужден согласиться.

– Но рыжий – цвет поприметнее, – развёл руками. – Вдруг на тебе отразится? Ольжана была рыжей и перекидывалась в малиновку с рыжей грудкой. Ещё у нас есть Грынь, он немногим старше тебя и недавно впервые обратился в дятла с красным лбом. – Юрген повертел в руках нож. – Слушай, а если ты обернёшься красноголовым шакалом... Это довольно близко. Как тебе?

– Фу, – обронил Сава. – Не хочу в шакала.

Юрген спрятал улыбку в сгибе локтя. Конечно, мальчик бы не обратился в шакала – в их землях они водились разве что в сказках, пришедших из южных господарств.

– Воля твоя, – сказал он примирительно. – Дождись Йовара – может, он сразу догадается, кем ты обернёшься. У него глаз намётан.

Сава лениво помахал веткой – не расставался с ней с тех пор, как они с Юргеном вернулись из леса.

– А если я превращусь в жабу? – спросил он печально. – Я не хочу быть жабой. Или в свинью? Что может быть хуже того, чтобы превращаться в свинью?

– Справедливости ради – дикий свин у нас тоже уже есть. – Юрген указал на забор. – Видишь? Его работа.

Терем окружал высокий частокол – Юрген как раз решил заменить одни покосившиеся колья другими, крепкими. К задним воротам был прибит звериный череп.

– Якоб добыл, – кивнул Юрген.

Сава уже крутился у черепа, пока Юрген разбирал притащенную из леса вязанку. Разглядывал внимательно, подлезал с одной стороны и с другой – но ни о чём не спрашивал. Сава привык к Юргену за пару дней и уже совершенно его не боялся – но, видно, жизнь приучила его не задавать вопросов не к месту. Даже ребёнок бы понял, что этот череп принадлежал не простому животному.

Но раз Юрген заговорил сам, то грех не вызнать.

Сава сузил глаза.

– Чей это череп? – спросил он беспечно. – Медвежий?

– Если бы Якоб убил медведя, ты бы сейчас смотрел на череп Якоба. – Юрген приподнял палец. – Это ужасное оскорбление для колдуна – причинить вред животному, в которое он перекидывается.

О духи, подумал Юрген отвлечённо. Как он говорит! Может, поэтому Бойя и считает его занудой?..

– Это пуцеевик, – продолжил рассказывать, снимая стружку с кола. – Нечисть из чащ. У него змеиный язык и волчьи лапы, а челюсть как у медведя. Видишь, вон там? Были рожки, как у козла, только Якоб их обломал. В одно лето этот пуцеевик слишком расшалился, и...

С неба спикировал ворон. Перекувыркнулся в воздухе и ударился оземь, расправив бархатные паслёновые крылья.

Зашелестела трава. Затянул лёгкий ветерок, уже пахнувший дождём.

Колдун шагнул, приземлившись точно на ноги в начищенных сапожках. Он вывернулся с изяществом существа, отдавшего полёту половину своей человеческой жизни. Оправил ворот рубахи, откинул с лица упавшую прядь. Волосы его были черны – чуть вились у концов, обрезанные по край чёткой, будто из камня высеченной нижней челюсти.

Хранко сощурился. Смерил взглядом Саву – изумлённо застывшего. Перевёл глаза на Юргена – невозмутимо скребущего ножом.

– О, – обронил сухо. – Нянчишься?

И скривил губы.

Сава подобрался и затих, как готовый к прыжку кот.

– Вроде того, – ответил Юрген простодушно. – Знакомься, это Сава. Сава, это Хранко – мы про него говорили.

Лицо у Хранко было такое, что молоко бы скисло.

– Надо же. – Хмыкнул. – Ну и что ты про меня рассказывал?

Сава неуютно заёрзал на месте.

– Что у тебя удивительный дар не нравится людям с первого взгляда. – Юрген легонько толкнул мальчишку в бок: – Расслабься, он тебя не тронет.

Начал капать дождь. Хранко подставил ладонь под первые капли – помедлил, посмотрел на тучи.

– Ты знаешь, когда вернётся Йовар?

– Обещал к полнолунию. – Юрген попробовал пальцем остроту кола. – Значит, завтра.

Хранко ненавидел признаваться, что знает меньше, чем другие. Особенно о Йоваре. А сейчас он прилетел, чтобы спросить об этом Юргена, и выдал себя с головой: мол, да, учитель не посвятил меня в свои дела.

Поэтому Юрген насторожился.

– Что случилось?

Хранко тряхнул головой и вмиг показался Юргену совсем растерянным – ничего общего с колдуном, только что метавшим презрительные взгляды.

– Не знаю, – сказал так тихо, что Юрген едва разобрал. – Птицы принесли странные вести с юга.

Юрген отложил кол. Дождь усилился, а вдалеке ухнул гром. Сава шмыгнул под резную крышу крыльца – от греха подальше и подальше от недружелюбных колдунов.

– Ну и чего ты там стоишь? – Юрген насупил брови, поднялся. – Иди сюда, а то промокнешь. Сава, будь добр, подвинься.

Мальчишка попятился назад, к стене. А Юрген, затащив Хранко под крышу, принялся расспрашивать – что, мол, за вести? Хранко часто отпускал своих воронов летать над господарствами. Когда те возвращались, он выуживал картины происходящего со дна их глаз – это было сложное, непонятное и не подходящее Юргену колдовство, вызывавшее у него одно лишь восхищение.

Хранко неодобрительно посмотрел на Саву. Скрестил руки на груди, а потом задумчиво провёл по губам костяшками пальцев.

– Под Стоегостом объявилась какая-то тварь, – сказал он наконец. – Чудовище.

Юрген присвистнул.

– У госпожи Кажимеры новый сосед?

– Очень смешно.

– Брось. Не нас уж пугать чудовищами. – Юрген указал на лес. – У самих такого добра навалом. Тем более та тварь далеко на юге.

Хранко ужалил его взглядом.

– Я не чудовища боюсь, Юрген.

– А чего тогда? – Пожал плечами. – Если чудище завелось под носом госпожи Кажимеры, она быстро с ним справится.

Раздался невесёлый вороний смешок.

– Ну пока вот не справилась.

– Что ж, – Юрген опёрся о перила, – если госпожа Кажимера окажется бессильна, то так и быть, пусть просит помощи у нас. Не оставлять же стоегостцев на растерзание.

Хранко посмотрел на него как на умалишённого.

– Она – и попросит помощи? У нас? Ты рехнулся?

– А что? Спокойствие своего господства важнее. – Юрген постучал по перилам. – Что это за тварь? Откуда она?

Хранко поджал губы.

– Ох, – Юрген скривился, – ладно. Не хочешь – не говори.

Хранко любил докладывать Йовару обо всём первым, и Юрген даже не спорил – его право.

– Мне отыскать Йовара?

– Нет. – Хранко угрюмо смотрел на небо, затянутое тучами. – Если завтра не вернётся, я сам пошлю ворона.

Сава прильнул к двери, и Юрген успокаивающе потрепал его по голове.

– Не понимаю, чего ты так распереживался, – признался он. – Далось тебе какое-то южное страшилище.

По бледному, тонкоскулому лицу Хранко скользнула тень. Черты исказились, лоб пересекла складка, точно Хранко никак не мог решить, продолжать ли отмалчиваться или всё-таки разделить с Юргеном тревогу.

Хранко берёт свои тайны, однако прожил с Юргеном бок о бок семнадцать лет – достаточный срок, чтобы увидеть в Юргене не только соперника, но и брата.

– Мне... – он замялся, перекатился с пятки на носок, – показалось, что это чудище рукотворное.

Юрген нахмурился.

– Кто-то из учениц Кажимеры случайно сотворил чудовище?

– Такое случайно не сотворишь.

– Не понимаю. – Юрген затряс головой. – Сама госпожа Кажимера постаралась?

– Довольно. – Хранко стиснул виски. – Слушай, мне никто ничего не рассказывает, ясно? Мои вороны видели чудовище, и оно явно оказалось в Стоегосте не просто так. Остальное я передам Йовару, не тебе.

Юрген кивнул.

– Да пожалуйста. – И перевёл взгляд на Саву. – Эй. С тобой всё хорошо?

Мальчик смотрел испуганно, исподлобья.

– Всё хорошо, – передразнил Хранко. – Нашёл когда выпрашивать о чудовищах – при ребёнке. Раз записался в няньки, води себя соответствующе.

Юрген рос среди лесных чудищ разных мастей – от маленьких и безвредных, прячущихся по кустам, до грозных, увлекающих путников во тьму духмяной чащи. Едва выбравшись из

пелёнок, он уже знал их повадки и играючи находил их следы, поэтому никогда не боялся. Только опасался, как опытный охотник – дикого зверья.

– О, – потупился он, – извини.

Хранко шагнул назад и снова осмотрел Саву с головы до ног.

– Ты уже перекидывался при нём?

– Ещё нет.

– Почему? Ты не догадываешься, как для них это удивительно? И что они все хотят посмотреть, как обращается колдун?

В мире Юргена не существовало вещей более естественных, чем оборотничество.

– Сначала я решил рассказать, как мы живём...

Хранко закатил глаза.

– Мне так-то всё равно. – Он придал голосу вальяжную ленцу, точно ему и вправду не было дела до мелких колдунят. – Но когда я был на его месте, то с большим удовольствием смотрел на чары, а не слушал пустой треп.

Он вытащил из ножен кривой кинжал, очень подходящий ему, высокому, скроенному по-птичьи заострённо.

– Ладно, – сказал. – Увидимся позже.

Деревья гневно шелестели от ветра. Над их кронами то и дело проносились молнии, освещающая небо – тёмно-синее, в лиловых закатных пятнах. Юрген кивнул в сторону туч.

– Крылышки не подмочишь?

Хранко усмехнулся.

– Потявкай мне ещё тут.

Он приподнял ворот рубахи и шагнул с крыльца во двор, под дождь. Одним резким движением воткнул кинжал в сырую землю.

Юрген сел на корточки возле Савы и сказал негромко:

– Чтобы перекинуться, чародею-оборотню всегда нужно пересечь границу.

– Какую? – Голос Савы звучал взволнованно и хрипло.

– Какую угодно. В самом начале это бывает поваленное дерево или пенёк – чем больше и видимее граница, тем легче. Потом – ветки или порог. Когда колдун осваивается, он сам выбирает, через что ему удобнее обращаться. Смотри.

Хранко подался вперёд полунырком, будто хотел приземлиться на темя. Правой рукой вырвал из земли кинжал, кувыркнулся глубже и выкрутился вороном. Громко каркнул, сложил крылья и рванул в вышину, к крыше терема.

Лес за частоколом шумел сумеречной темнотой.

Сава потрясённо замер.

– Нож, – произнёс он. – Даже нож забрал! И одежда – в одежде перебросился? У нас в деревне говорят, что оборотни, когда обращаются, совсем нагие.

– Может, это какие-то другие оборотни, – предположил Юрген. – Вначале будешь перебрасываться в одной одежде – это твои крылья, шерсть, чешуя, что угодно. Потом получится взять с собой небольшую сумку или кошель, на что хватит мастерства. Очень пригождается в дороге. Я слышал, пан Авро, глава Двора Лиц, может обратиться, даже если на него надето чужое обличье – а колдовская кожа страшно тяжела.

Он вытащил свой нож и покрутил им перед Савой.

– Опытные чародеи всегда забирают с собой то, через что перебрасываются. Если уничтожить границу – разрубить дерево или унести с собой кинжал, – оборотень не сумеет вернуться обратно. А так ему достаточно просто удариться оземь. Поэтому мы стараемся перекидываться через небольшие вещи. Говорят, госпожа Кажимера способна перекинуться через собственный волос... Представляешь толщину волоса? То-то же.

Сава облизнул губы.

– А были те, кто не вернулся? Так и остались... животными?

– Может, и были, но не у нас. Слухи ходят разные. За новичками Йовар следит, ты не переживай. – Юрген похлопал его по плечу. – Научишься.

Сава до сих пор смотрел на небо, словно хотел разглядеть на нём следы Хранко. Юрген поднялся.

– Ветер усиливается, – заметил он. – Пойдём в дом.

Сава нехотя подчинился. Спросил только:

– Слушай, Юрген... – И запнулся. – А что про чудище? Будет ли нам какая-то беда?

Юрген рассмеялся.

– Глупости. Вот посмотришь на Йовара и решишь – но, будь я чудовищем, постарался бы держаться от него подальше.

Он отворил дверь и пристукнул по косяку.

– Это крепкий терем в колдовском лесу. Нас здесь ничто не достанет.

Затем распрямился, с наслаждением вдохнул запахи дождя, ягод, свежей травы – и шагнул за порог.

Глава II. Птицы и колокола

Здесь говорили, что ладанный дым пугает чудовищ. Ольжана сомневалась, что в Стоегостском господарстве многое знали о чудовищах, – там, откуда она родом, предпочитали осиновый кол и круг из соли. Но ей нравился запах ладана и тот звонкий голос, которым в церкви читали стихиры.

Ольжана была ведьмой, но всё равно любила церкви – поэтому сейчас сидела на скамейке и смотрела, как дождь стучал по витражам, сложенным из стёкол медовых оттенков. Таких, как она, в церквях не жаловали, но скрыться было несложно. Достаточно не касаться вещей, выкованных из чёрного железа: решёток, подсвечников, перил. Церковь в этом городке была маленькой, и чёрного железа – раз-два и обчёлся.

Чёрное железо уважали и в Вольных господарствах, и в Иофате – их западном соседе. Иофат – страна рыцарей, туманных холмов и королей в каменных усыпальницах; это они подарили Вольным господарствам веру, в честь которой строили церкви. «Юрген бы сказал, что навязали», – подумала Ольжана. Но сама она верила и в Тайных Людей, и в северных духов, и в иофатские Длани. Она знала по именам всех их пророков – Перстов – и с молчаливым восхищением разглядывала церковные фрески с картинами из их жизни. Юрген смеялся и рассказывал: иофатцы считают ересью то, во что господарцы превратили насаженную им религию. «Персты, которых чтят у нас, – замечал он, – это наши старые языческие боги». Ольжана только отмахивалась. Когда она могла отлучиться из Чернолесья, то при случае зажигала свечи в деревенских кумирнях – некогда в них поклонялись идолам, а теперь восславляли Длани.

Что бы ни говорил Юрген, ей это нравилось: верить, что выше них была мудрая сила. От этого становилось спокойно и хорошо.

Насколько Ольжана вообще могла быть спокойной.

Она сжала ладонь, сминая складки платья на бедре. Да, здесь говорили, что ладанный дым пугает чудовищ, – но, когда появилась тварь, прозванная Сущностью из Стоегоста, её не сумели остановить ни ладан, ни железо. Ни обычное, которым были вооружены люди господаря, ни чёрное – верное средство против нечисти и колдунов.

Сущность напала ночью. Проломила двери хоромин, в которых спали младшие ученицы госпожи Кажимеры – Ольжана жила с ними, потому что постигала с азов волшебство Звенящего двора и была в нём удивительно неуклюжа. Эта неуклюжесть и привела к тому, что она оказалась в безымянной церкви, бегущая куда глаза глядят. Но той ночью Ольжана ещё ничего не знала, лишь проснулась от грохота, а выскочив из своей комнаты, босая, в одной рубахе, увидела *его*.

Голос чтеца за алтарём бархатно выводил стихиры. Вкрадчиво шептал дождь. Ольжана смотрела сквозь горящие свечи, но перед глазами стоял огромный волк: он поднялся на задние лапы и ссутулился, как раненый человек. Его шерсть была черна. Его глаза пылали, а вместо морды скалился голый волчий череп, похожий на натянутую костяную маску. Чудище выглядело как рисунок из чёрных книг Йовара: так изображали оборотней. Не перекидышей, которыми были все чародеи Вольных господарств и за их пределами, а волколаков – обыкновенных людей, изуродованных чужой волей.

Ольжана знала, что была трусливым ребёнком и выросла в трусливую женщину. У неё перехватило дыхание, и она бессознательно попятилась. Но как спастись самой, если рядом визжали ученицы госпожи Кажимеры? В комнатах рядом с ней жили девочки-подростки. Большинству было около двенадцати – младше Ольжаны на десять лет; некоторым тринадцать или четырнадцать. Они игрались с разумом и чувствовали куда ловчее её, обученной Йоваром, и, бывало, хихикали над её неловкими попытками творить тонкие чары. Но это не имело никакого значения – особенно в ту ночь.

Чудовище заслонило собой тесный проход между их комнатами. Ольжана крикнула, надеясь обратить на себя внимание. Это потом она узнала, что Сущность и так пришла именно за ней – и будет идти по её следам, пока не околеет. Но тогда ей казалось важным отвлечь чудовище от девочек. Спокойным голосом Ольжана велела им обращаться и бежать через окна в своих комнатах, – а у самой зуб на зуб не попадал от изумления и страха.

Чудовище оскалилось и рухнуло на передние лапы, готовясь к прыжку. Его зубы были белыми, как туман, и длинными, как кинжалы. Никто не считал Ольжану сильной колдуньей, и что бы она ни делала, то заслуживала насмешки Йовара куда чаще, чем сдержанную похвалу. Но восемь лет в Чернолесье ни для кого не проходят даром – она взяла лунный блик из окна и раскроила на ломти, чтобы изрезать жёлтые волчьи глаза. Свет скользнул, ослепив Сущность лишь на мгновение.

Она попыталась заклясть прохладный весенний ветер, но не успела. Чудовище прыгнуло на неё, а у Ольжаны не оказалось ничего, через что она сумела бы перекинуться. Тем же лунным светом она обожгла чудовищу колени и правую лапу и этим смягчила удар. Когти скользнули по её ноге, глубоко рассекая кожу, – а могли бы пропороть насквозь.

Ольжана бросилась в свою комнату. Чудище было куда быстрее её, неповоротливой, и тотчас бы её смяло, если бы ему не пришлось выламывать узкий дверной проём. Ольжана на ощупь схватила свечу, которую держала у своей кровати, зажгла её чародейским огнём – и рассеяла искры так далеко, как могла. Простыни загорелись сразу же, а вот доски под волчьими лапами никак не занимались. Ольжана перебросила на шкуру чудовища сноп искр, но те соскользнули с шерсти, как вода с перьев, обмазанных гусиным жиром.

Сердце её стало холодным и маленьким. Из рассечённой голени текла кровь, и Ольжана чуть не поскользнулась на накапавшей лужице.

Чудовище не могло развернуться в её маленькой комнате, и его это раздражало – оно смело стол, в ярости перевернуло сундучок. Ольжана была крупной и здоровой девушкой: надеясь выгадать время, она что было силы толкнула кровать на середину комнаты. Чудовище будто и не заметило этой преграды – кинулось напрямик через полыхающие простыни. Огонь задержал его лишь ненадолго. Язычки пламени погасли, извившись чёрными тенями.

Тем временем Ольжана распахнула окно, опёрлась ладонями о подоконник и с разбегу через него перекинулась – мир изменился, закрутился вокруг неё, уменьшающейся до размеров малиновки. Но Сущность чуяла её и в человеческом теле, и в птичьем – поэтому продолжила преследовать. Вывалилась через окно, ломая раму и цветные наличники. Приземлилась в саду.

...Свеча, на которую смотрела Ольжана, догорела – она стояла в круглой чаше, наполненной песком и водой. Коснувшись воды, огонь погас, оставив после себя комочки растаявшего воска.

Ольжана переплела пальцы и сжала их до боли. В ту ночь там, в саду, всё и закончилось – чудовище окружили стражники и господаревы воины. О случившемся узнала и госпожа Кажимера: она прилетела, чтобы расправиться с тварью, но даже она – чародейка Драга Ложи, могущественнейшая из колдуний – не смогла усмирить Сущность. Чудище задрало одного из стражников, вырвалось из кольца копий и умчалось в лес, как ветер.

Сущность убегала куда быстрее, чем нападала. Должно быть, тот, кто её создал, так это и задумывал.

Ольжана поднялась. Она не останавливалась подолгу на одном месте с тех пор, как появилось чудовище – и как все поняли, что это она, Ольжана, была его главной целью. Прошло две недели, две напряжённые недели пути, и Ольжана не знала, сколько ещё выдержит. Она подхватила пухлый сак с пожитками – перекидываться с ним было сложно, и в человеческом теле Ольжана оставалась дольше, чем ей хотелось бы. Птице на дорогах безопаснее, чем женщине.

У выхода она бросила монетку в фиалу для пожертвований. Отправляя её в путь – ради безопасности Стоегоста и, быть может, самой Ольжаны, – госпожа Кажимера дала ей туго набитый кошель. Она обещала, что свяжется с ней и без помощи не оставит, но за две недели Ольжана не получила никакой весточки. Она не питала ложных надежд: госпожа Кажимера приняла её к своему двору не потому, что испытывала к ней тёплые чувства или сочла её одарённой колдуньей. Видно, она не могла отказаться от удовольствия насолить Йовару. И если госпожа Кажимера обращалась с ней любезно, это ещё не значило, что она бы бросилась помогать Ольжане, забыв про беды Стоегоста.

Сущность Ольжана больше не видела. Ей наказали не оставаться на одном месте дольше одной ночи, и она слушалась. Она плохо спала и всё больше просто лежала в постели, с тревогой поглядывая на окна постоялого двора и принимая за лязг когтей каждую ветку, царапающую ставни.

Знать бы, где ей остановиться на ночлег сегодня.

Церковь стояла на рыночной площади – сейчас торговля не шла. Горожане разбежались от дождя. Крутобокая торговка прикрывала горшечную лавку отрезом ткани – и со смехом кричала соседу, толкавшему телегу с овощами. Дети плескались в лужах. На церковной колокольне зазвонили колокола, созывая к дневным бдениям.

Всё вокруг казалось живым и таким беспечным, что становилось завидно. Ольжана растянула узел на платке и перехлестнула его длинные концы на груди, укутавшись с плечами и головой. Длани, ей так нравится колокольный звон! Может, стоило бы переждать дождь в церкви – но, с другой стороны, нужно спешить.

Ольжана закинула сак за спину и пошла через площадь. С утра она изучала карту: по большаку на запад будет небольшое местечко, где она, может быть, найдет постоянный двор, – хорошо бы добраться до темноты. Сперва, размышляла она, нужно отыскать укромное место и перебраться. Ольжана не то что Юрген или Хранко, у неё не получалось долго путешествовать в оборотничьем теле, да и крылья её никогда не были быстры. А уж как будет тяжело лететь в дождь... Может, имело смысл нанять извозчика – вон сколько телег на площади; но пока Ольжана тратила деньги лишь по мелочи, а в такую погоду с неё взяли бы втридорога. Да и кто знает, что за человек попадётся?

Мимо неё пронёслась горожанка в красивом вишнёвом платке. Двое мужчин, бранясь, катили к повозке огромную бочку. Дождь шумел, перебивая колокольный звон.

– Госпожа Ольжана! Госпожа Ольжана!

Она обернулась, но не увидела никого знакомого – только залитую площадь и бегущих по ней людей.

Может, звали вовсе не её. Не такое уж у неё редкое имя. Но на всякий случай она ещё раз осмотрелась по сторонам.

– Госпожа Ольжана! – прокричали снова. – Подождите!

Ольжана протёрла глаза и разглядела человека в чёрном, спешащего к ней странной ковыляющей походкой.

Она нахмурилась. Из-за дождя никак не получалось рассмотреть его лицо, только одеяние, похожее на подрясник. Возможно, это служитель церкви, из которой она только что вышла. Но откуда ему знать её имя? И зачем она ему сдалась – если только в ней не узнали колдунью?

Час от часу не легче.

Ольжана остановилась, но навстречу не пошла.

Незнакомец наконец-то нагнал её на середине площади – торопясь, он сильно припадал на одну ногу и сутулился. Оказавшись рядом, он выдохнул и смущённо ей улыбнулся:

– Хвала Перстам, я вас нашёл.

Ольжана настороженно всматривалась в его лицо.

Это был мужчина лет тридцати с небольшим, темноволосый, стриженный довольно коротко: пряди даже не прикрывали уши. На его щеках отросла щетина. По одной стороне лица – от виска до нижней челюсти – тянулись неровные рытвины шрамов. Человек закрывался от дождя длинным чёрным рукавом, но сейчас опустил руку, чтобы Ольжана могла его рассмотреть.

– Я вас знаю, – сказала она оторопело. – Вы Лале. Я видела вас в Стоегосте.

Плечи его ещё были перекошены, и он вежливо, полупоклоном, качнулся к ней.

Ольжана знала, что он был бродячим лекарем – или выдавал себя за него. Пару раз она встречала его при госпоже Кажимере, но не разговаривала с ним сама. И точно – он ведь хро-мал. Внутренности обжёл стыд: она заставила калеку бежать за ней.

– Если вы не против, давайте поговорим не под дождём, – предложил Лале, едва успев отдышаться. И указал на окраину площади. – Там... можно укрыться.

Ольжана кивнула, поправив насквозь промокший платок.

– Я давно вас ищу, – сказал Лале весело, мимоходом. – Сегодня даже отчаялся. Решил, что вы уехали и я опоздал.

Ольжана удивлённо промолчала.

– Я от госпожи Кажимеры, – продолжил он и выдохнул с рваным смешком. – Длани, ну и погоня! Госпожа Кажимера мне вас описала – так, как могут чародейки вроде неё. Ну, вы понимаете... Оттиск собственных воспоминаний, картина волшебством. Но вас трудно узнать с покрытой головой, госпожа Ольжана. Да и я не узнал, если бы... А впрочем, потом.

Он махнул рукой. Ольжана заметила, что только одна рука Лале была в перчатке, и это придавало ему ещё более взъерошенный вид – как у бродячего пса.

– Представляете, даже лошадь не привязал, так поспешил к вам! Хорошо, что она у меня смиренная, никуда не уйдёт.

Тут уже стало понятно, куда он её ведёт: к кибитке, в которую была впряжена лохматая коричневая лошадка. Лале погладил лошадку по шее и, подковыляв, откинул тканевой полог.

– Прошу. – Приглашающий жест.

Ольжана с сомнением глянула внутрь. Две длинные скамейки и уйма разных вещей – книги, травы, склянки, мешочки... Что находилось дальше, было не разобрать.

Может, даже *кто*.

Ну нет. Ольжана не сядет к незнакомцу в полутёмную кибитку лишь потому, что когда-то мельком его видела и он представился посланником госпожи Кажимеры. Ладно бы ещё рядом стояли другие повозки – но Лале, как назло, остановился на пустом краю площади.

– Вы уж меня извините, – сказала Ольжана учтиво, коря себя за то, что сама согласилась сюда идти. – Но я... Не обижайтесь, но я совсем вас не знаю, и мне не хотелось бы дёргать Жавору за усы.

Она решительно поправила ремешок сака на плече.

– Буду... признательна, если мы поговорим в людном месте. У церкви. Или если вам не хочется возвращаться... – Конечно, не хочется, он едва волочит ногу. – То прямо здесь. Мне не так страшен дождь.

– Ах. – Лале коротко кивнул. – Моя вина. Подождите. Где же...

Он тряхнул рукавом, вытащил из поясной сумки узорное пёрышко. Ольжана признала: перо сипухи. Не настоящее, конечно, – при Звениящем дворе, не в пример Дикому, считали варварским использовать частички животных. А ученики Йовара верили, что добытые без насилия клыки, перья или когти «своего» животного являлись оберегом для колдуна.

Перо сипухи, которое Лале выложил себе на ладонь, было соткано из чар тоньше, чем самый прозрачный волос, – оно светилось мягким светом и слегка подрагивало. Острый кончик смотрел прямо на Ольжану.

– Вот так я вас и нашёл, – объяснил Лале. – Меня вело перо.

Это всё меняло. Госпожа Кажимера превращалась в сипуху, и Лале держал в руках знак её доверия – раз перо не жгло его и не расслаивалось на части, он и вправду выполнял волю госпожи Кажимеры.

– Не лучшая вещь, чтобы рассматривать её у церкви, – заметил он.

– Да. – Ольжана подняла глаза. – Вы правы. В кибитку так в кибитку.

Он подал ей руку, чтобы помочь забраться на ступеньку. Эта рука – правая – была без перчатки, и на безымянном пальце Ольжана увидела простенький перстень из чёрного железа.

Лале проследил за её взглядом.

– Осторожнее, – предостерёг он. – Не коснитесь.

Один подрысник ещё можно было бы списать на притворство, но перстень...

– Вы – слугитель Дланей? – удивилась Ольжана. – Монах?

Она устроилась на скамейке, положила сак рядом и стащила с волос мокрый платок. Лале сел напротив – полог он не опускал, и из кибитки было хорошо видно и площадь, и церковь, и соседние дома.

– Да, – ответил он. – В некотором роде – слугитель.

В кибитке пахло лекарскими порошками, пылью и бумагой. Ольжана вздохнула. Что ж, раз госпожа Кажимера так решила, значит, здесь безопасно. И всё же...

Ольжана слышала, что чёрное железо носили на себе только самые ревностные из последователей Дланей. Но Лале имел дела с госпожой Кажимерой – вправду ли он был так благочестив?

– Надо же. – Ольжана разглядывала его кибитку с нарочито восторженным любопытством. – Там, откуда я родом, чёрное железо не в чести, и я никогда не видела таких перстней. Вы не возражаете, если я попрошу его подержать? – И хохотнула. – Не убьёт же оно меня?

Лале удивлённо приподнял брови.

– Нет, конечно. Только обожжёт. – Он снял перстень и протянул ей.

Ольжана взяла его платком и почувствовала жар даже сквозь мокрую ткань. Осторожно тронула пальцем свободной руки – будто горячей сковороды коснулась. Когда она отдернула руку, на подушечке пальца остался след, как от сажи.

– Говорят, чем сильнее чародей, тем больнее его обжигает чёрное железо. – Ольжана вернула Лале перстень через платок. И продолжила беспечно: – Я слышала, будто бы исключений не бывает, но, наверное, это байки.

След на её коже начал бледнеть.

– Спасибо, что удовлетворили моё любопытство. – Посмеиваясь, она тряхнула кудрями. – При обычных людях чёрного железа не коснёшься, а я всегда хотела подержать его в руках.

– Едва ли. – Надевая перстень, Лале мягко улыбнулся в ответ. – Скорее вы хотели проверить, настоящее ли железо я ношу.

Губы Ольжаны свело судорогой.

Повисла неловкая тишина.

– Извините.

– Ничего страшного. – Лале пожал плечами. – Я понимаю. Вы ничего обо мне не знаете, а госпожа Кажимера послала меня вам в помощники.

Её глаза расширились.

– Вас? – Ольжану бросило в дрожь. Значит, это помощь, которую ей обещали? – То есть... Длани Великие, Лале, вы уж не берите близко к сердцу... Но вы даже не чародей.

Он развёл руками. Мол, да кто ж спорит?

– И, наверное, вы даже не знаете, на что вас послали. Чем же вы сможете мне помочь? Бедный вы мой человек!.. – Она стиснула пальцы в замок. – Вы ведь только себе сделаете хуже.

Ольжана подалась вперёд, облокотилась о колени. Она не сразу заметила, что смотрит на Лале прямо, в упор. Ей не было дела до его шрамов, хотя Лале мог подумать иначе. Но если его и смутило её внимание, то виду он не подал.

– Я знаю, что вы бежите от чудовища из Стоегоста, – тихо проговорил Лале. – У меня есть кибитка, и я могу возить вас по Вольным господарствам до тех пор, пока Драга Ложа его не уймёт. Госпожа Кажимера рассказала, что оно чует ваш след, но это не значит, что его нельзя запутать.

Ольжана спрятала лицо в ладонях.

– Чем вы провинились перед госпожой Кажимерой, раз она отправила вас ко мне?

Не дожидаясь ответа, Ольжана отвернулась и посмотрела на площадь. В глаза летели косые капли дождя.

Казалось, Лале замялся.

– Я в добрых отношениях с паном Авро. Недавно мои товарищи попали в большую беду – вместе мы многое пережили в песках Кел-Гразифа, и я не хотел их оставлять. Помочь им смогли только пан Авро на пару с госпожой Кажимерой, и когда меня попросили об ответной услуге, я... не смог отказать.

Ольжана выпрямилась и ошарашенно уставилась на Лале.

– Как вы сказали? – переспросила она. – В песках Кел-Гразифа?

В Хал-Азаре, далёкой стране, о которой Ольжана знала только из сказок и гримуаров Йовара, находилась гробница одного из почитаемых иофатцами Перстов – вблизи загадочного города Кел-Гразиф. Иофатские военачальники раз за разом начинали походы и сражались с хал-азарцами за эти земли.

Ольжана обвела кибитку куда более цепким взглядом. На её беду, она нашла то, что искала, – к стене, увешанной мешочками с травами, был прибит маленький меч из чёрного железа, перече́ркнутый кованой веточкой оливы.

– Лале, – начала Ольжана севшим голосом, – вы что, башильер?

Меч и ветка оливы – Хранко чертил углём этот символ на печке, рассказывая Юргену и Ольжане о религиозном ордене, ненавидящем чародеев. Орден башильеров – братьев Меча, или, как говорили в простонародье, меченых братьев, – основали в Иофате, но позже их влияние распространилось далеко за пределами страны.

Все башильеры носили перстни, подобные тому, что был у Лале, но некоторые шли дальше: Хранко красочно описывал, как тяжелы вериги из чёрного железа.

– Если уж на то пошло, то брат Лазарь, – произнёс он осторожно. – Один мой знакомый, моряк из Хал-Азара, как-то обтесал моё имя до двух смешных слогов, и всем понравилось.

Не думала же она, что его правда зовут Лале? Ла-ле – мягкое, восточное, почти женское. Ольжана похолодела.

– Я не понимаю. – Во рту стало сухо. – Вы настоящий башильер?

– А я не понимаю, что вы имеете в виду, госпожа Ольжана. – Он ободряюще улыбнулся. – Жгу ли я ведьм? Нет, не жгу. Я бродячий лекарь, травник и библиотечный крысёныш – в отличие от многих моих братьев, прославленных воинов, бившихся под Кел-Гразифом. Ненавижу ли я колдунов или хал-азарцев? Я признался вам, что вожу знакомство с паном Авро и ношу прозвище, данное хал-азарским моряком.

– Длани, а я ведь упомянула при вас Жавору. – Знала бы, выбрала бы кого-нибудь другого, а не языческого нечестивого.

– Но вы также упомянули Длани, так что мы в расчёте. – В его глазах заплясали искорки смеха. – Так что делает меня настоящим башильером, госпожа Ольжана?

– Клеймо, – предположила она, ещё не оправившись от потрясения. С ума сойти, живой башильер! – У вас на груди есть клеймо? Меч и олива.

– Да, иначе какой же меченый брат без метки. Показывать, с позволения, не стану... и, пожалуйста, не будем об этом. Такие разговоры меня смущают, а я, если вы помните, монах.

Неожиданно Ольжане тоже стало весело от его тона.

– Какая чепуха! – простонала она. – Чародейка Драга Ложи отправляет вас, башильера, помогать мне, ведьме.

– ...предварительно наказав, как следует вести себя в дороге. Раз вы до сих пор живы, значит, чудовище можно обогнать. Да и мне по роду службы положено много знать про чародеев и тех, кого они лепят из своих чар... – Невыносимо смешило, что Лале её *успокаивал*. – Не думаю, что наше путешествие продлится долго: госпожа Кажимера обратится к пану Авро, и вместе они поймают чудовище.

Ольжана взглянула на него с грустью.

– Не знаю, как пан Авро, а вот госпожа Кажимера, похоже, не слишком-то вас ценит. – И её заодно. Она могла бы отправить к ней на подмогу стоегостских воинов или своих опытных учениц, слишком ловких и быстрых, чтобы их схватил получеловек-полуволок. Но выбрала хромого травника в кибитке, задолжавшего ей услугу. – Что же вы так, Лале? Ваши башильерские книги не научили вас тому, что не стоит ничего просить у чародеев? Дороже обойдётся.

Дождь затихал. Замолкли и колокола, а по площади раскатились задорные крики зазывал. Засновали продавцы с лотками, полными пряников и сахарных кренделей, а торговцы – те, что не боялись мороси, – вновь открыли свои лавки. Запах стоял чудесный – чистая весенняя свежесть.

Лале откашлялся.

– Не отчаивайтесь вы, госпожа Ольжана. Уверен, мы придумаем, как не пересечься с чудовищем.

Духи! Самому-то не страшно?.. Ольжана понимала, что это постаралась госпожа Кажимера – кто-кто, а она любого бы убедила, что путешествовать с девушкой, за которой идёт тварь из северных сказок, не так уж и опасно.

– Его зовут Беривой. – Ольжана смотрела, как ребёнок выклянчивал у отца крендель. – Он дружинник господаря Нельги, и он оказался в этой шкуре по моей вине. Вы слышали об этом? Может, вам рассказывали: тот, кто создал Сущность из Стоегоста, улучил момент. Он выбрал себе в жертву дружинника, которого покромсало моё колдовство. Госпожа Кажимера выяснила это после того, как на меня напала Сущность, – и то, что чудовище рукотворное, и то, что оно меня ненавидит. Ну и то, что под этой шерстью – Беривой.

Ей ужасно захотелось рассказать это – всё сразу, как водой плеснуть. Объяснить, во что Лале ввязался.

– Я будто вязала кружево мясницким крюком. Да, вот такие были мои чары... Возможно, вы услышите, что я безответно влюбилась, поэтому и взялась за привороты. Но я лишь упражнялась в искусстве госпожи Кажимеры и думала, что такого человека, каким был Беривой, моё колдовство не проймёт. Но нет, нет... Я ошиблась и не рассчитала силы.

Она провела рукой по волосам. И без того кудрявые, они распушились от дождя.

– Я глубоко поддела его сердце: разум, мысли, чувства – всё в Беривое перемешалось. Я прибежала к госпоже Кажимере в слезах, но она объяснила, что я не первая и не последняя, чьи приворотные чары оказались слишком грубы – правда, обыкновенно такое творили девицы намного младше меня. Госпожа Кажимера сказала, что это пройдёт. Вопрос времени, и Беривой исцелится. Раны, оставленные моими чарами, заживут, как вскрытый нарыв.

Ольжана криво улыбнулась.

– Но не сбылось. Тот, кто создал Сущность, добрался до Беривоя раньше и превратил его в чудовище.

Лале смотрел на неё, нахмурившись.

– Единственное, что я слышал о вас, госпожа Ольжана, – это то, что вы попали в беду, потому что были неопытны и юны.

Она невесело засмеялась.

– Я не юна. Я просто дура. Да и какая я вам госпожа, брат Лазар? Я купеческая дочь из Борожского господарства. Я прожила восемь лет в ученичестве у лесного колдуна, который выкрал моего брата.

– Слукавил, – признался Лале. – Это я тоже слышал.

Ольжана взяла смятый платок и бережно его развернула.

– Думаю, мы с вами заболтались. Не пора ли в путь? Я нашла одно местечко на карте – может, вы знаете, пригодно ли оно для ночлега...

Лале с ней согласился. Обсудив дорогу, он придержался за скамейку и осторожно прыгнул наземь; Ольжана смотрела ему в спину, чуть сощурившись. Да уж, решила она, странный человек. Надо расспросить повнимательнее.

Птицы на площади купались в лужах. Мужики, бранясь, везли неповоротливую телегу. На церковное крылечко вышел человек в подряснике, совсем как у Лале, и стал подавать милостыню – хотя, помнится, Хранко рассказывал, что придуманная иофатцами вера немилосердна.

Выглянуло солнце, и Ольжана отвернулась.

Пусть хоть кто-нибудь – Длани, духи, боги – окажется милосердным, и Сущность изловят к началу лета.

* * *

– ...байки не байки, госпожа Ольжана, а чёрное железо – инструмент простой, но рабочий. – Лале слегка натянул поводья. – Если человеку хватает сил на то, чтобы перекинуться в животное, железо оставит след.

Лошадка мерно цокала копытами. Мимо проплывали невысокие цветущие холмы, усыпанные маргаритками и колокольчиками. Дорога была пустая, ехать – одно удовольствие. Лале правил лошадкой, а Ольжана, устроившись внутри кибитки, высовывалась к нему через полог для разговора.

Она спрашивала то одно то другое – и понимала, что, как бы ни старалась, весь их разговор напоминал допрос. Ольжана визнавала, как работало чёрное железо, и хотела поймать хоть полуслово, способное её настроить.

Мог ли Лале быть не башильером, а подосланным чародеем? Вдруг он лишь выдавал себя за монаха, не слишком чтящего законы Дланей?

– А что, если чародей ещё не обрёл свою оборотничью форму? – Ольжана сидела, подперев щёку кулаком. – Железо ведь его не выдаст.

– Не выдаст, – легко согласился Лале. Он смотрел на дорогу, блаженно прищурившись от солнца. – Но все известные мне чародеи – хоть в Вольных господарствах, хоть в Хал-Азаре – оборотни-перекидыши. Какой спрос с перекидыша, который ни в кого не превращается?

Да, мысленно согласилась Ольжана. Если чародей не умел обращаться в животное, значит, он не умел ничего. Это первое, чему учились новоиспечённые колдуны – кроме, пожалуй, её самой. Но она обратилась удивительно поздно.

Тут ей стало любопытно.

– А что делают ваши братья, если им попался такой чародей? Маленький ученик колдуна, которого взяли под стражу.

– Об этом написан трактат мессира Гирайона из Селизы. – Лале улыбнулся, чуть повернувшись к ней. – Что бы вы ни спросили у башильера, госпожа Ольжана, скорее всего, он так и ответит: «Об этом написан целый трактат».

Сейчас Ольжана видела его лицо со стороны без шрамов и решила, что может позволить себе его поразглядывать. На её вкус, черты Лале были приятными – нос с крохотной горбинкой, широкие брови, тёмные глаза.

– Мессир Гирайон, – продолжал он, – пытался выяснить природу колдовства.

– И что? – хмыкнула Ольжана. – Преуспел?

– Увы. – Лале вздохнул. – Люди до сих пор спорят, что есть колдовство – наука или ремесло, которому можно обучиться. А может, родовое проклятие или греховная болезнь. Мессир Гирайон предполагал последнее и считал, что – вы уж простите – дитя, притронувшееся к колдовству, уже испорчено.

– Какая тягомотина, – ужаснулась Ольжана.

Лале рассмеялся.

– Так и живём.

Что ж. Поболтали немного о пустом – и снова за дело.

– Ну послушайте. – Ольжана вывернулась, уселась поудобнее. – Быть такого не может, что ваше чёрное железо никогда не ошибается. Я с севера Борожского господства. В наших домах мало кто такое железо держит – считается, что оно не столько укажет на нечисть или колдуна, сколько их разозлит.

Лале смиренно отвечал на её вопросы и никак – ни движением брови, ни лёгкой насмешкой – не выдавал своего недовольства.

– Хотите примету? Чем ближе дом к Иофату, тем больше в нём чёрного железа. – Пожал плечами. – На север его возят мало, и ваши земляки научились бороться своими средствами. Да и если в дом придёт покойник, которого третий день как схоронили, я думаю, его семейство и без чёрного железа заподозрит что-то неладное.

Трудно поспорить.

– Чёрное железо – не столько оружие, сколько зеркало, – объяснял Лале спокойно. – Оно причиняет боль, но убивает не лучше обыкновенного.

– А что про обман?

Только здесь он усмехнулся краем губ.

– Всё-то вас одно заботит. Да, чёрное железо можно обмануть – если изгаляться и не касаться его... разными способами. Человек изобретателен, госпожа Ольжана. Особенно тот, кто боится разоблачения. На их беду, мои братья, что называется, тоже не лыком шиты. А что же, вы кого-то собрались дурить?

«Главное, – подумала она, – чтобы ты меня не обдурил». Ольжана была недоверчива и считала, что впитала это с молоком матери: в их землях многие такие. Может, потом ей станет за это стыдно, но сейчас она визнает всё, что сумеет.

– А нельзя ли... – она замялась, – обмануть железо, если что-нибудь выпить?

– Или съесть, – развеселился Лале. – Если только яд. Хотите обмануть зеркало – заставьте себя исчезнуть.

Кибитка катилась по влажной земле, но, к счастью, не застревала. Случись это, у Ольжаны бы сердце из груди выпрыгнуло: солнце тянулось к горизонту. А госпожа Кажимера сказала ей на прощание, что твари, сродные Сущности из Стоегоста, предпочитают охоту по ночам. Днём их не застать – «вот тебе и возможность спастись, ясочка».

Хочешь не хочешь, а нужно укрыться до ночи, иначе они помогут Сущности взять след.

– Смертельный яд? – уточнила Ольжана рассеянно. – Я слышала, что в западных господствах колдунов хоронят в сапогах из чёрного железа.

– Напрасно. Вместе с жизнью человек теряет все умения – значит, и железо не оставляет на нём след.

Ольжана оправила пыльный полог. И прикусив губу – Длани, какой же она выглядит дурой! – продолжила выпрашивать голосом, полным вежливого участия:

– Если бы я хотела обмануть зеркало, я бы использовала заклятие сильнее, чем оно. Вы никогда не встречали чары хитрее, чем ваше железо?

– Работа *моего* железа предельно проста: жжёт, если касается кожи перекидыша. Все хитрости в пределах этого. – Лале тяжело вздохнул. – Чародеи Двора Лиц могут держать чёрное железо, если на них надето чужое обличье. Но... вы ведь понимаете... Можно обмануть случайного стражника, велевшего вам коснуться решётки у церкви. Прикроетесь рукавом или только сделаете вид, что коснулись, – но совсем другое дело, если за вас взялся мастер.

Он покачал головой, показывая, что не подразумевает ничего хорошего.

– В Иофате и Хал-Азаре я встречал братьев, которые так управлялись с железными кольями, что могли бы пробить и слой колдовской кожи.

Ольжана проглотила ком в горле, но ничего не сказала.

– Чародеи Двора Лиц, – продолжал Лале, – не могут носить чужое обличье вечно. Если посадить их в темницу, рано или поздно они его сбросят. А там – снова железо.

Он помолчал, а потом произнёс осторожно, с мягкой смешинкой:

– Вот что скажу, госпожа Ольжана. Если вы встретили человека, а он, допустим, взъерошен, подозрителен и колченог... Ну бывает же такое, кого только не встретишь на дорогах... Так вот: если он носит перстень, как у меня, то, скорее всего, перекинуться в оборотня у него силёнок не хватит, и нет смысла ловить его на слове.

Хорошо, думала Ольжана, вдыхая дорожный запах – цветочный, лошадиный и сырой. «Допустим, ты всё-таки не чародей, раз постоянно носишь свой перстень. Но тогда ты действительно башильер, а это ещё хуже».

Наверное, ей стоило замолчать, пока Лале не вышвырнул её на большак. Но она ехала в его кибитке по дорогам, которые он наверняка знал лучше неё, раз путешествовал по Вольным господарствам и лечил людей. Слишком уж большая власть для человека, о котором она знала совсем немного.

– Как же вас занесло к башильерам? – спросила она, разглаживая платье на коленях. – Вы ведь господарец, как и я. Поговору слышу. Даже несмотря на то, что обратились ко мне на «вы», на иофатский манер.

Лале рассмеялся и обернулся к ней так, что она увидела кусочек его изуродованной щеки.

– Вы даже не стесняетесь признавать, что исследуете меня, госпожа Ольжана. Да, я господарец. А сможете понять, из каких я мест?

Ольжана решительно не могла это понять. В Стоегосте, при госпоже Кажимере, она встречала людей из разных господарств, но Лале говорил одновременно похоже и непохоже на всё, что она знала.

– Не старайтесь, – успокоил он. – Моё произношение безнадёжно испорчено. Я прожил в Хал-Азаре одиннадцать лет – треть своей жизни – и столько же не говорил на родном языке. От прежней господарской речи мало что осталось.

– Одиннадцать! – поразилась Ольжана. А думала о другом – фразу назад ей показалось, что Лале вот-вот рассвирепеет. – Духи, что же заставило вас вернуться? Вам там не нравилось?

– Очень нравилось. – Лале задумчиво посмотрел на горизонт. – Но... времена там изменились.

Он огладил небритую щёку.

– Госпожа Ольжана, – произнёс он спокойно-вежливо. – Я готов объяснить то, что вас смущает, но в душу вы мне, пожалуйста, не лезьте.

Так Ольжана поняла, что кусок его души остался в Хал-Азаре.

– Простите. – Она смотрела ему в затылок. – Я буду рада узнать всё, что вы сочтёте нужным рассказать. Сами ведь понимаете: вы – башильер, а до нашей с вами встречи я думала, что... случайных людей туда не берут.

Лале издал сухой смешок.

– А я и не случайный человек. Орден башильеров огромен. Среди моих братьев, помимо религиозных фанатиков, есть тьма учёных мужей – от математиков до философов, от архитекторов до врачей. Я знаю множество бродячих проповедников и лекарей, которые и мухи не обидят. Да и я примкнул к ордену не потому, что хотел бороться с колдунами.

Лошадка шумно фыркала и махала хвостом – на неё слетались мошки. Солнце наливалось пылающим, закатно-розовым цветом.

– Я сделал это ради знаний, – продолжал Лале. – Сотни книг в башильерских библиотеках, тысячи свитков и манускриптов... Невиданное богатство для мальчика из господарской деревни, как считаете?

Ольжана слышала, что проповедники-башильеры не только разъезжали по Вольным господарствам, но принимали к себе мальчишек, готовых постигать их науки. Правда, в этих землях трепет перед Дланиями никогда не был сильнее трепета перед старыми богами и Тайными Людьми.

– Как же я сдружился с колдунами? – Лале уже сам задавал себе вопросы, и Ольжана решила, что, должно быть, она его ужасно раздражает. – Смотрите.

Он стянул перчатку с левой руки, и Ольжане пришлось приподняться с места, чтобы разглядеть, что же он имел в виду.

– Мои братья часто носят перчатки. Руки для служителей Дланей – особенная часть тела, но я ношу по другой причине. – Он пошевелил пальцами, сжимающими поводья. – Ничего не замечаете?

Левая кисть Лале была смуглее и шире, чем правая. Пальцы – короче и толще.

– Думаю, по мне заметно, что некогда я попал... в передрыгу. – В голосе – ни тени скорби, как у человека, который давно всё отстрадал. – В награду мне достались не только разорванное лицо и хромая нога. Тогда мне отняли руку – и вернуть её смог лишь хал-азарский чародей, почтенный Залват из города Шамбол.

Ольжану было трудно впечатлить колдовством. Она видела чудищ – больших и малых, спящих в озёрах и резвящихся на погостах. Она наблюдала, как звёзды катились с небосвода, точно яблоки по тарелке, и застывали в ручье блестящими серебряными монетами. Она знала, что выюга может рыдать человеческим голосом, как девушка – по убитому жениху, а болотные огни способны свести путников с ума. Но сейчас – сейчас Ольжана не сразу нашла слова.

– Вам пришили чужую руку? – Она вытянулась ещё сильнее, рискуя вывалиться из кибитки. – И она... движется?

Лале снова игриво пошевелил пальцами.

– Хуже, чем было, конечно. Эта рука не так послушна, как моя собственная, но великое счастье, что она вообще есть. – Лале посмотрел на Ольжану, приподняв брови. – Как после этого мне презирать чародеев и считать их противными Дланиям?

Ольжана села обратно, восхищённо охнув.

– Ваш Залват, должно быть, могущественный чародей. Я не слышала, чтобы кто-то из Драга Ложи делал нечто подобное.

– Да, – кивнул Лале, – он великий человек. Придворный лекарь одного эмира, если хотите знать... Кажется, я отвлёкся. Вы спрашивали, как я познакомился с паном Авро.

Она не спрашивала. Но вопрос висел в воздухе, и Ольжана была благодарна, что Лале не заставил его озвучивать.

Солнце разгоралось всё ярче и ярче, закат разливался полосой поперёк холмов. Мимо их кибитки рысцой проехали два всадника.

Лале рассказывал, как давно – лет шесть или семь назад – встретил ученицу пана Авро. Чародеи Двора Лиц, прекрасные актёры, лицедеи и интриганы, всегда много путешествовали по свету, и одна из них – Лале не назвал её имени – попалась башильерам, остановившимся в Хал-Азаре.

– Я уже был при двух руках, так что испытывал к чародеям уважение наполовину с любопытством. У меня получалось помочь ей, и я помог. – Лале повёл плечом. – Она вернулась к пану Авро, и так мы заочно узнали друг о друге: я – о нём, а он – обо мне.

Ольжана подумала, что между Лале и ученицей пана Авро могла быть любовь, но, конечно, ничего не спросила.

– Позже я ещё не раз встречал его учеников в разных частях Хал-Азара. Они рассказывали мне о своём ремесле, а я помогал им не попадаться моим братьям. Такое вот незамысловатое приятельство. – Лале прищёлкнул языком. – А когда я вернулся сюда, то уже познакомился с паном Авро лично. Мир тесен, госпожа Ольжана, – оказалось, что пан Авро водил дружбу с достопочтенным Залватом из Шамбола и слышал о многих известных мне хал-азарцах. – Лале усмехнулся. – А некоторых по молодости дурил, облачаясь в чужую кожу. Весёлый он человек.

Ольжана вздохнула, поглядывая на пылающее небо. Снова заморосило. Успеть бы до ночи...

Она не убирала свою карту и поглядывала на неё время от времени. Не то чтобы совсем уж не доверяла Лале и думала, что он повезёт её не теми дорогами, но осторожность ещё никому не мешала. Сейчас Ольжана выпросила всё что хотела и решила, что Лале нужно отдохнуть от разговоров с ней. Но неожиданно он обратился к ней сам:

– А что о вас, госпожа Ольжана? – Он осторожно разминал шею. – Среди нас двоих это вы – обладательница силы, о которой мои братья написали бессчётное количество книг. Может, мне тоже не по себе ехать с вами.

Ольжана фыркнула.

– Да уж, опасная ведьма. Могу раскурочить вам сердце приворотом, а там, глядишь, ещё какой чародей подтянется.

Лале улыбнулся.

– Что вы, нельзя на меня привороты. У меня целибат.

Ольжана расхохоталась.

– Мне жаль, Лале, но мне даже нечего вам рассказать. Я проста, как господарский грошик.

– Неужели? – Он смотрел не на неё, а на смеркающееся небо, но, казалось, был полностью вовлечён в разговор. – Вы упомянули, что учились у лесного колдуна. А теперь вы при дворе госпожи Кажимеры.

– И смыслю в её искусстве не больше, чем девочки-подростки.

– Говорят, – произнёс Лале мягко, – что самоуничижение – высшая форма гордыни. Я кое-что знаю о чародеях, госпожа Ольжана. Я слышал, что вы сбежали от своего прежнего учителя, и сдаётся мне, это требует определённого... мастерства: обвести вокруг пальца колдуна Драга Ложи.

«И определённого склада характера», – дополнила Ольжана мысленно. Не это ли читалось между строк?

Ольжана, как и её учителя, всегда признавала, что не хватала звёзд с неба в чародейском ремесле. Но до появления Сущности она считала себя разумной молодой женщиной. Неглупой, осторожной, умеющей добиваться своих целей.

– Мы успеем до темноты? – спросила она вместо ответа.

Лале оглянулся на неё с удивлением.

– Да, пожалуй.

Она глубоко вздохнула. Раз спросили, будет честным рассказать.

– Наверное, при дворах это считается предательством. – Ольжана перекинула через плечо толстую косу, задумчиво потрепала кончик. – Йовар думал, что я останусь в его тереме, а я сговорила с его соперницей за его спиной.

Над кибиткой проплывали облака – подсвеченные закатным солнцем и лохматые, как чудовища.

– Может, вы знаете, Лале: ходят слухи, что Сущность из Стоегоста – дело рук Йовара, взбешённого моим побегом. Но кем бы он меня сейчас ни считал – предательницей или плутовкой, унёсшей с собой тайны его двора, – я отслужила ему обещанный срок, все восемь лет, которые он потребовал у меня, когда выкрал моего брата.

Ольжана сощурилась.

– Я жила в его доме, я выполняла его поручения, я терпеливо сносила несправедливости и жестокие уроки – все восемь лет, и ни днём меньше. Может, он и надеялся, что я останусь при его дворе, как другие. Но если уж я, добившись его доверия, и обещала что-то кроме – взамен на потаённые знания и терпкую ворожбу, – то мои слова не были подкреплены чародейской клятвой. И значит, они ничего не стоили.

Повисло молчание. Только цокала лошадка, под её копытами хлюпала грязь – и слабый ветерок шелестел придорожными кустами.

– А говорите – просты, как грошик, – произнёс Лале с лёгким смешком. – Не беспокойтесь. Мы скоро приедем.

Приехали они затемно. Оконца постоялого двора горели уютным светом, из трубы валил дымок. Ольжана спрыгнула на землю и с наслаждением потянулась.

– Глядите, – сказала она устало-весело, обводя двор рукой. – Здесь хватит места и для вашей кибитки. Давайте попросим кого-нибудь её посторожить.

На удивление, Лале потупил взгляд и сказал, что намеревался заночевать прямо в кибитке, чтобы её не ограбили; слишком уж там много книжек и дорогого ему барахла. А вот Ольжане следует побыстрее снять комнату и спрятаться от чудовища в доме – как наставляла госпожа Кажимера.

– Вы с ума сошли, – поразилась Ольжана. – Где же вы будете спать? На этой скамеечке?

– Да я привык.

– Вам что же, совсем себя не жалко? – Ольжана упёрла руки в бока. – У вас есть лишняя спина? А может, среди ваших рукописей и нога запасная завалилась? Нет, так совершенно не пойдёт. Вас втянули в это дело из-за меня, и пока есть возможность, будете спать по-человечески. Не беспокойтесь, госпожа Кажимера оставила мне денег, хватит на комнату и вам.

Лале сказал, что деньгами на путешествие не обделили и его, и Ольжана кивнула.

– Тем лучше. За щедрое вознаграждение и сторожить будут охотнее.

Лале поспорил для виду, но не слишком усердно: должно быть, он признавал, что ему и вправду будет лучше спать в постели, а не на жёсткой лавке. Он уложил вещи у полога в одном только ему ведомом порядке, чтобы сразу заметить, не залез ли кто, и направился на поиски сторожа.

Ольжана метким взглядом заметила, как в его руке блеснула золотая монета, вытянутая из поясной сумки.

– Вы что? – воскликнула она, преграждая Лале путь. – Нельзя давать так много. Вы явно очень цените свои книжки, но кажется, вы очень устали с дороги и не понимаете, что делаете. Уберите.

Она заправила за ухо выбившуюся прядь.

– Если дадите сторожу столько, – зашептала она, – он решит, что вы страшно богаты – не станете ведь ему объяснять, что вас одарила могущественная колдунья. И сам же заберётся в вашу кибитку. Сребреника более чем достаточно – обещайте ему столько же, если утром найдёте вещи нетронутыми.

Лале согласился с ней, застенчиво улыбнувшись.

– Зато вы сразу видите, что я из тех башильеров, которые бедны как церковные мыши и не привыкли к тяжёлым кошелькам.

Пока Лале договаривался, Ольжана прижала к себе свой сак и шагнула за двери постоянного двора – в тепло и чад. Народу было не слишком много: мужчины пили и доедали поздний ужин, а хорошенькая подавальщица шмыгала между их столами. За стойкой скучал парень в засаленной рубашке, глядящий на всех ленивыми котовыми глазами. Он посмотрел мимо Ольжаны, почесал ржавую щетину на горле.

Ольжана вздохнула и потуже затянула платок под подбородком.

– Доброго вечера, – сказала она парню, подходя. – Есть ли свободные комнаты с видом на двор?

Чтобы Лале мог посматривать за своей кибиткой.

Парень окинул её вальяжным взглядом, от которого Ольжане сделалось неуютно.

– А что же, – спросил, – ты одна?

Путешествовать в одиночку было небезопасно, поэтому Ольжана сообщила со скрытой радостью: «Нет, с родичем, достопочтенным служителем Дланей». Жаль только, что за её брата Лале никак бы не сошёл, слишком уж они были не похожи. А родич – мало ли, какой дальний...

– Ты не ответил, – напомнила она сдержанно. – Комнаты?

Тут появился Лале – хлопнула дверь, переमेжающе заскрипели половицы, – и парень перевёл внимание на него.

– Добрый вечер. – Лале учтиво поклонился. – Мне и моей племяннице нужен ночлег.

Парень присвистнул, оглядывая его с ног до головы.

– Ох ты, – он прищёлкнул языком, – тебя что, саблями рубили, монашек?

Лицо Лале вытянулось.

Ольжана закатила глаза. Чуть отодвинула Лале, выступая вперёд.

– Охал бы ты, дядя, на себя глядя, – процедила она. – Сдаётся мне, ты здесь не хозяин. Может, мне потребовать сюда кого-нибудь, кто вычистил бы тебе язык и объяснил, как следует обращаться с гостями?

Ольжана скрестила руки на груди. Она была готова к тому, что парень взъерепенится – пришлось бы отвечать в похожей манере, – но тот только скривился и начал рассказывать про комнаты. Да, мол, есть две свободные, из одной видно двор... У Ольжаны даже возникла шальная мысль выторговать у него цену поменьше, но решила, что это уж слишком – так и до склоки недалеко, а ей не хотелось бы оказаться ночью на дороге с Сущностью.

Ольжана сказала, чтобы им принесли еду, и подцепила один из ключей. Их с Лале комнаты оказались наверху – взлетев по скрипящей лесенке, она развернулась и дождалась, пока поднимется Лале.

– Доброй ночи, – сказала она, проглатывая зевок. И невесело пошутила: – Надеюсь, утром мы найдём это место в целости, а друг друга – в живых.

Лале посмотрел на неё усталым и спокойным взглядом.

– Госпожа Кажимера сказала, что ваше чудовище не так уж и быстро. – Он протянул ей мешочек. – Возьмите, повесьте на ручку двери. И немного рассыпьте по подоконнику. Это аконит, волчья отравка.

Ольжана хотела бы рассмеяться, но сдержалась из вежливости. Наверное, это ему для успокоения посоветовала госпожа Кажимера – боги, какая наивность!

– Видели бы эту тварь, не надеялись бы, что от неё можно откреститься травами. – Ей подумалось, что Лале, если встретит Сущность, передумает возить её по Вольным господарствам, и даже Драга Ложа его не удержит. – Но спасибо.

Лале кивнул ей:

– Доброй ночи.

А перед сном Ольжана, уже дождавшись еды и рассыпав лиловые лепестки аконита, проверила, крепко ли заперты окна и дверь. Она понимала, что и это – наивность, но как иначе?

Она вытянула из сака две восковых свечи и зажгла их, сжав фитили пальцами. Очистила тарелку от кусочков пищи, поставила на неё свечи и водрузила на столик при кровати. Затем разделась и, забравшись в постель, принялась смотреть, как от огоньков поднимались полупрозрачные струйки дыма.

Может, дым от церковных свечей не хуже ладанного и тоже пугает чудовищ.

Глава III. Время раздоров

Юрген знал: тот, кто назвал Чернолесье так, никогда здесь не был. Только слышал страшные сказки о колдуне и его учениках, обитающих в сердце чащи. Их лес был величественен и дремуч и раскрывался тысячами оттенков. Чернолесье могло быть тёмно-лиловым, как сливовая ночная тень, а поутру разлетаться пестротой зелени – глубинно-изумрудной, травяной и мшистой. На закате верхушки деревьев становились красными, как кораллы, привезённые Хранко из путешествий, или золотыми, будто растёкшийся церковный воск. Осенью их лес пылал жёлто-алыми кострами, чтобы, сгорев, обратиться в зимнее серебро. А то скажешь – Чернолесье, – и кажется, что Дикий двор окружают лишь тьма да голые ветви, похожие на костлявые руки.

Никто из учеников Йовара не знал и не любил Чернолесье так, как Юрген. Он никогда надолго не покидал эти места, а вот Хранко, когда был помладше, по велению Йовара отправился смотреть мир и набираться разума вне Дикого двора. Юргена же Йовар пока не отсылал, говорил: всему своё время.

Юрген не сомневался, что мир удивителен, но не рвался за пределы Борожского господства. Пока ему хватало величавого покоя Чернолесья и северной красоты скал, омываемых морем льёттов. Хватало деревушек и городков, в которые ученики Йовара выбирались время от времени, уюта их праздников, тепла их огней. Что бы ни случилось дальше, думал он, его сердце всегда будет принадлежать этому радушному холодному краю, полному позабытого волшебства. Поэтому Юрген жил свою мирную жизнь, творил колдовство, искал тайные тропы и молча смотрел, как люди, которыми он дорожил, покидали его дом.

Он задумчиво потёр костяшки пальцев.

Тем временем Сава разбежался и издал протяжное «ух», затрезвонившее между берёз. Он запрыгнул на исполинский – такой ширины, что и трём взрослым мужчинам не обхватить, – дубовый пенёк.

– Эй, – свистнул Юрген, – прояви хоть каплю уважения. Это друг всех новых учеников.

Сава потоптался с сомнением. Пенёк под ним давно раскололся и порос лишайником – теперь он высился на поляне, как голова древнего бородатого идола, наполовину ушедшего в землю.

– Новеньким нравится перекидываться через него, – объяснил Юрген. – У многих впервые получается именно здесь.

Сава спрыгнул.

– А где впервые получилось у тебя?

– Если б я знал. – Он со смешком опёрся о ствол. – Может, через какой-то порог в тереме Йовара. Знаешь, забавная вышла история... Мне тогда было года три, я случайно перекувыркнулся в щелку и не понимал, как вернуться обратно. Я рычал и метался, и ко мне сбежались все, кто был рядом, – но от страха я не различал никого, кроме Ратмилы.

Юрген вздохнул, прикрыв глаза.

– Ратмила была чудесной молодой женщиной, – поделился он, будто Саву заботили люди из его прошлого. – Она попала к Йовару, сбежав от мужа, который её бил. И она очень обо мне заботилась – можно сказать, она заменила мне мать.

– А в кого она превращалась? – Сава сосредоточенно топтал траву у пня.

Юрген приподнял брови. Надо же, младших и вправду больше ничего не заботило! Хотя глупо было бы ожидать другого.

– Ни в кого. Когда она пришла, ей было двадцать с лишним, и она так и не сумела перекинуться. Говорят, чародей, не умеющий обращаться, ничегошеньки не смыслит в колдовстве, но Ратмила научилась простым вещам. – Сава нахмурился и открыл было рот, но Юрген поспешно

добавил: – Сейчас с ней всё хорошо. Она ушла от нас, потому что познакомилась с добрым человеком и решила связать с ним жизнь.

Поняв, что ничего волнительного и страшного в этой истории не было, Сава продолжил шаркать по траве.

– Она помогла тебе обратиться?

– Нет, она пыталась успокоить меня, но безуспешно. Потом позвали Йовара – и я испугался ещё сильнее, когда услышал его шаги собачьим ухом. Грохот, будто ко мне подошла гора и попыталась ухватить меня здоровенными ручищами. Поэтому я благоразумно забился под кровать, но выскользнул, когда меня попытался достать Валда – предугадывая твой вопрос: этот парень превращался в ужа.

Юрген скрестил руки на груди и заулыбался. Было приятно вспоминать эту суету – как за ним, маленьким и ошалевшим, носился весь Дикий двор.

Сава склонил голову вбок.

– А что потом?

Ветер играл в кронах. Юрген прижимался спиной к берёзе, блаженно шурясь на солнце.

– А потом я выскочил во двор и промчался мимо Чеслава, возвращавшегося в терем.

– Чеслав, – усердно вспоминал Сава, – это чародей-волк?

– ...он-то и поймал меня у ворот. Отнёс назад, в комнаты, чтобы я не вырвался в лес. Но мне тогда расхотелось от него сбегать – я только скулил и тыкался носом в его ладони. Чеслав успокоил меня и объяснил, как обратиться.

«Юрген», – говорил тогда Чеслав степенно-мягко, очень глубоким для юноши голосом. Казалось, что для него не было ничего естественнее, чем успокаивать маленького перекидыша. Чеслав повторял его имя, пока до Юргена не дошёл смысл слов и он не поднял щенячью морду и не затих. «Юр-ген». Чеслав исчез из его жизни так давно, что от него почти ничего не осталось. Но Юрген в пёсьем обличье до мелочей запомнил своё первое превращение – и даже от голоса Чеслава остались тени звука.

В груди потянуло холодком. Юрген хмыкнул и досадливо почесал шею.

Да, Чеслав страшно обрадовался его превращению. Говорил с гордостью: Юрген превратился в собаку, и значит, теперь он по-настоящему его младший брат. *Брат*. А Юрген старался не вспоминать его последние... сколько прошло? Лет пятнадцать? И продолжал бы в том же духе, если бы не ушла Ольжана, которую он любил как старшую сестру. Тут-то и понял: с ним это уже случалось. Он уже знал, каково это – терять человека, которого считал своей семьёй. Это оказалось неожиданнее и больнее, чем отпустить ребят, никогда не собиравшихся оставаться при Йоваре дольше, чем требовала их клятва, – всех, даже Ратмилу.

Чеслав пришёл сюда, когда ему было четырнадцать. Из-за этого Йовар отказался его принимать – переросток, заявил он, никакого толка не выйдет. Он выгнал Чеслава, не предложив никакой другой работы, и сейчас Юргену казалось, что Йовар заупрямился неспроста. Почуял – быть беде. Но Чеслав был настойчив. Он ночевал под Йоваровым забором, и никакая сила – ни ветер, поднятый в лесу, ни зловещие огоньки хищных глаз – не могла заставить его уйти. Ратмила рассказывала, что он был согласен на всё, лишь бы Йовар принял его к себе – мести пол в тереме, готовить еду. А сам-то, должно быть, понимал, что кто-кто, а вот чародей из него получится удивительный.

Йовар подивился такому упорству и уступил.

– Целый го-од, – тем временем стонал Сава, блуждая вокруг пня. – Мне учиться целый год, прежде чем я обернусь!

– В лучшем случае, – великодушно заметил Юрген. – Да ладно, шучу я. Ты ведь смыслённый малый, за год легко управисься.

Сава подбоченился и с вызовом посмотрел на пень.

– Может, и раньше превращусь. Бывало же такое, а? Да наверняка бывало!

Усмехнувшись, Юрген подобрал отломанную ветку.

– Как раз с Чеславом и было. Он обратился через несколько месяцев. Случай из ряда вон и для ребёнка, не то что для подростка.

Сава поджал губы и протянул:

– Наверное, главный колдун им очень гордился.

Как Юрген ни старался его успокоить, Сава заранее побаивался Йовара и раздумывал, чем бы мог ему угодить.

– Да нет. – Юрген кольнул воздух веткой, как мечом. Её конец смотрел на Саву. – Сам я этого не помню, но мне говорили, что Йовар не слишком жаловал Чеслава.

Почки на ветке раскрылись. Из них показались зелёные ростки – они тянулись всё выше и выше, распускаясь молодыми листьями. Сава смотрел на колдовство настороженно-угрюмо.

– Что-то мне кажется, – заявил он обеспокоенно, – главный колдун никого, кроме тебя, не любит.

Юрген махнул позеленевшей веткой.

– Йовар – суровый человек, – признал он. – Особенно на вид. Но сердце у него доброе. Олжана была уверена, что Йовар её не выносит, но я думаю, что он и к ней прикипел душой. Он заботится о своих учениках и дорожит нами, как родными. Только вот с Чеславом... не вышло.

Не вышло. Слишком простое обозначение для того, что закончилось у погоста на границе Йоваровых владений.

Сава потянулся за веткой, на которой начали распускаться белые цветы. Взял её у Юргена, с любопытством повертел в руках. Это было не первое крохотное колдовство, которое при нём творил Юрген, да и наверняка не последнее.

– А что...

Его отвлёл треск в кустах.

Юрген умел отличать мороки от яви, а живое – от умершего, даже если оно старалось казаться живым. Йовар научил его, как читать ход звёзд, как не попадаться в ловушки тумана и болотных огней и как понимать, где – смертный, а где – лишь чудище, влезшее в человеческую кожу. И только заслышав хруст ветвей, Юрген уже знал: то, что шло к ним с Савой, человеком не было.

Он прыгнул вперёд, заслоня мальчишку собой. Был бы псом – оскалился бы, предупредительно зарычал.

Но потом он прислушался и узнал хрусткий перекатывающийся шаг.

Юрген расслабленно выпрямился.

– Как всегда. – Голос насмешливый и поскрипывающий, словно несмазанная дверь. – Не успеешь подойти, уже готов броситься.

– Не сердись, Букарица, – попросил Юрген извиняющимся тоном. – Ты чего, решила прогуляться?

Через кусты пробиралось существо, похожее на женщину – дородную и низенькую, как бочонок. Лицо Букарицы мало чем отличалось от лица обыкновенной борожской крестьянки средних лет, так что поначалу Сава, наверное, и не догадался, кто перед ним.

– А что б и не прогуляться, – заворчала Букарица, выходя на полянку. – Сидишь в подполе целыми днями, то готовишь, то ткёшь, как рабыня. Замучили совсем, сил уже нет.

Букарица никогда не выглядела замученной. Напротив, она была румяна и чернوبرова – с широким приплюснутым носом и тонкогубым ртом, который красила ягодным соком. Лохматые чёрные косы она убирала под расшитую красную косынку, завязанную сзади. Одета была хорошо – в платье, сшитое по её меркам.

Выпутываясь из колючих ветвей, Букарица чуть приподняла понёву и потрясла одной из показавшихся козлиных ножек.

Лицо Савы вытянулось.

– О, – протянула Букарица с любопытством, – новенький?

Она подплыла ближе, замерла напротив Савы. Ростом они были одинакового, так что разглядывай – не хочу.

– Рыжий, – причмокнула Букарица. – Это зря. У нас Ольжана полгода как сбежала, и Йовар с тех пор рыжих недолюбливает. Вон даже Грыня недавно за слабые чары чуть в озеро не скинул...

– Хватит, – сказал Юрген мягко. – Сава, это Букарица.

– Здешняя кухарка и прислужница.

– Не прибедайся. – Юрген закатил глаза. – Это наша домоправительница. Она живёт в подвале терема и верховодит целым выводком шишимор. Ты знаешь, кто такие шишиморы? Они у вас есть?.. А, ну если увидишь где-то на подворье крохотную сморщенную старушку – значит, шишимора бежит по своим делам. В обычных домах они только пакостничают, но у Йовара смиренно ведут хозяйство.

Букарица продолжала рассматривать Саву.

– Тайные мои Люди, – всплеснула она ручками, – худой-то какой!..

– Предупрежу сразу, – сказал Юрген строго. – Шишимор обижать нельзя. Букарицу – тем более. Мы все её очень любим и ценим.

– Да. – Букарица перестала причитать и игриво упёрла руки в боки. – Меня тут любят. Видишь, что подарили мне мои мальчики? – Она поддела монисто на груди. – Это Юрген привёз из Боровича. А это, – погладила косынку, – Хранко из-под самого Стоегоста. Это – и многое другое.

Сава всё больше смотрел не на цапки и тряпки, а на копытца, выглядывающие из-под пол юбок.

– Ясно, – выдавил он.

Букарица шагнула к Юргену, взяла его за руку и похлопала по тыльной стороне кисти.

– Что ж ты в терем не бежишь? Хозяин вернулся.

Брови Юргена поползли вверх.

– Так я не знал. Слышала что-нибудь новое?

– Да нет, мирно осмотрел владения, и всё. – Букарица отступила на шаг. – Иди, иди, а то Хранко ему сразу на уши присел. Нехорошо, что он там, а ты тут.

Юрген кивнул и обхватил пальцами рукоять ножа. Глянул на Саву через плечо.

– Ну что, – он вздохнул, – идём знакомиться с Йоваром.

Сава тревожно облизнул губы.

– Идём-идём. – Лезвие вышло из ножен с лёгким шорохом. – Помнишь дорогу до терема? Что, наперегонки?

С мгновение Сава раздумывал, стоит ли вестись на такое предложение. А когда Юрген воткнул в землю нож, сорвался с места и понёсся ко двору, вспарывая воздух локтями.

– Заблудится ещё, – проворчала Букарица. – Иди лови мальчонку.

Юрген улыбнулся, переключившись, – и улыбка расплылась до пёсью оскала. На месте подхваченного ножа чернела шерсть.

Воздух наполнился звуками иной глубины и тона. В носу защекотало от запахов, недоступных человеческому нюху. Лапы упруго оттолкнулись от земли.

Со слов Ольжаны Юрген знал, как тяжело бывает дышать, если лёгкие сжимаются до размеров крохотной птичьей грудки, и как сложно освоиться в пространстве, когда глядишь на мир чужими глазами. Чем старше впервые обратившийся перекидыш, тем мучительнее и дольше он свыкается со своей новой формой. А может, говорил Йовар, не свыкнуться никогда.

Юрген знал, что ему просто повезло. Носить шкуру пса для него было не сложнее, чем любимую удобную рубашу. Животные, в которых перекидывались опытные колдуны, часто были сильнее своих обыкновенных собратьев – а Юрген в теле собаки был быстр.

Ветви качнулись рядом, смазываясь до зелёно-чёрных полос. Юрген перепрыгнул через бурелом, проскочил между малиновых кустов. Вильнул с правого бока Савы, направляя мальчишку по нужному следу, – конечно, две его ноги никак не смогли бы перегнать четыре Юргеновых, но Юргену хотелось, чтобы он думал иначе.

Бывало, Йовар хвастался, что ни у одного чародея Драга Ложи нет ученика, который смог бы обогнать Юргена в оборотничьем теле. Юрген только отмахивался – едва ли это так. У госпожи Кажимеры и господина Грацека на службе столько хищных птиц, куда ему с ними тягаться?

Сава бежал через лес так, что пятки сверкали, – охоч до побед, значит. Он сворачивал с тропы и пробирался через заросли, сокращая путь, а Юрген краешком разума разводил ветки, чтобы те не выстегали Саве глаза. Но Сава всё равно умудрился расцарапаться, скатиться кубарем в овраг и выбраться оттуда с грозным рыком, весь облепленный прошлогодним репьем.

Что ж, отметил Юрген. По крайней мере, он уже позабыл о том, как боялся Йовара.

Когда они выскочили на лесистый холм, открылся вид на терем. Юрген приостановился – а Сава радостно побежал под горку.

Жалко, что пёсьи губы не умели улыбаться – Юрген некстати вспомнил, что свой дом Йовар ласково называл «теремком».

Такой уж был Йовар. Если он говорил, что в Тинистой реке завелась змейка, значит, там поселился огромный ящер, приплывший с северного залива, и – нет, Якоб, послушай, Якоб, там наверняка тварь длиной с сосну, давай ты не будешь нырять к ней спяну... Зато сколько потом удовольствия – вылавливать с Хранко окосевшего Якоба, отмахиваться от рассерженного речного змея и возвращаться домой облитым холодной водой. А там – Ольжана, которая очень вовремя забывала, как высекать молнии и нагонять тучи. Поэтому Йовар, ворча, разбирал ей буквы из гримуаров и ругался как проклятый, когда она – совершенно случайно, разумеется, – взбивала тучи прямо в тереме. Йовар оказывался занят ровно до того мгновения, пока Бойя, задыхающаяся от смеха, не напаивала Якоба одним из своих сонных зелий и не укладывала его спать – а то за пробу, снятую с деревенской браги, Йовар снял бы с него шкуру.

Эх, были времена.

Юрген потрусил вниз за Савой, бросая взгляды на двор. Да, их дом был чудо как хорош – чёрный четырёхъярусный терем с треугольными крышами и кружевом наличников. Ни дать ни взять – дворец. Величественные деревянные хоромы, соединённые с башенкой-смотрильней, над которой часто кружили болтливые вороны Хранко. Их терем был обнесён частоколом с двумя прорезями для ворот – Сава побежал к главным, но, разглядев что-то, резко остановился.

На столбики по обе стороны от ворот были насажены человеческие черепа. Ученики Йовара давно к ним привыкли. Они знали, что некогда это были лихие люди, а Йовар оставил их черепа в назидание случайным путникам. Сава успел узнать о судьбах нынешних Йоваровых украшений, но сейчас глядел на них как впервые.

Юрген прыгнул к нему и ударился оземь. Сава выдавил, стараясь отдышаться:

– Глаза!.. Что с их глазами?

Пустые глазницы черепов светились туманным жёлто-оранжевым огнём.

– Ну дело к вечеру, – просто ответил Юрген. – Когда Йовар дома, черепа горят сами по себе. А в его отсутствие мы ленимся их зажигать, вот ты и не застал.

Казалось, от вида светящихся черепов Сава растерял весь боевой дух.

– Может... – Он неуверенно поскрёб грязную щёку. – Сегодня главный колдун отдохнёт, а я с ним завтра поговорю?

– Не выдумывай. – Юрген вытащил репей из волос Савы. – Давай-ка отряхивайся. Идём, тут рядом бочка с водой... да, вот. Умывайся.

Сава принялся медленно вытирать лицо и шею. Он глядел в бочку с такой тоской, будто хотел там утопиться. Как Юрген его ни поторапливал, в терем они зашли, только когда начало смеркаться.

За окнами главной трапезной мерцали лиловые сумерки. Шишиморы волокли к подполу пустые тарелки. Йовар сидел во главе стола – вполоборота к выходу. Хранко наклонился к нему с разговором, а Якоб сидел рядом, облокотившись о столешницу. Он со скучающим видом перекатывал напиток в чарке.

Остальные уже разошлись. Жаль, что не было Бойи, подумал Юрген: её присутствие бы успокоило Саву. И она – не то что Ольжана – не стала бы отчитывать их за мальчишеские догонялки и наспех облагороженный Савин вид.

Заметив их, Хранко сощурил глаз. Но говорить не закончил, пока Йовар не поднял руку.

– Хватит. – Голос у него был низкий и густой. – Потом обсудим.

Сава попятился на полшага.

Перед Йоваром робели лесные душегубы и головорезы с большака, что уж говорить о ребёнке? Юрген не знал, сколько учителю было лет, но догадывался, что немало, – как и остальным чародеям Драга Ложи, основанной полвека назад. Но для великих колдунов время текло так, как им хотелось. Йовар, конечно, не выглядел юношей, но ни в войлоке его бороды, ни в спутанных волосах ещё не серебрилась седина. Всё в его движениях сквозило такой медвежьей мощью, что никто бы не назвал его стариком.

Юрген подумал, что для Савы это хорошо – встретить Йовара, когда он мирно сидит за столом. Ольжана рассказывала, что ночью, когда она пришла в этом терем за своим братом, Йовар явился ей сначала в обличье медведя, а только потом превратился в крупного чернородого мужчину – и если бы не обращение, она бы приняла его за разбойника, а не колдуна. Обычно Йовар жалел своих будущих учеников и не выходил к ним медведем, но Ольжана сразу ему не понравилась. Он следил за ней, когда она ещё только искала путь к его дому, и решил, что благоразумнее оставить её младенца-брата, а не связываться с купеческой девкой.

Йовар медленно огладил бороду.

– Добрый вечер. – Юрген вежливо поклонился. – Йовар, это Сава, он...

– Без тебя разберусь. – На Саву он глянул мельком, зато с Юргена глаз не сводил. – Где тебя носило? Ты, видно, даже не торопился.

Если Йовар возвращался после долгого отсутствия, его надлежало встретить – хотя бы появиться в тот день на ужине. Такие уж у них были порядки.

– Извини, – сказал Юрген. – Я не со зла.

Хранко рядом слегка трепыхнулся. С наслаждением ждал ссоры или боялся попасть под горячую руку?

– Надеюсь, – процедил Йовар, – ты занимался достаточно важными делами, а не только квохтал, как насадка?

Юрген задумчиво посмотрел на Саву.

– Только квохтал, – признался он. – Это оказалось увлекательно.

Он сокрушённо развёл руками, мол, что тут поделать? Йовар смотрел на него, грозно насупив брови.

– По-твоему, это смешно?

Ну вот, началось.

Якоб опустил чарку со всей осторожностью, на которую был способен, – чтобы не отвлечь резким звуком. И это Якоб-то! Но если Йовар закипал, все старались вести себя тише мыши.

Хотя Юрген знал, что Йовар свирепел так же быстро, как и отходил.

– Может, я даю тебе слишком много воли, Юрген? – Рука Йовара сжалась в кулак. – А? Что скажешь?

Юрген почтительно склонил голову.

– Скажу, что на это твоя воля, мастер, – произнёс он мягко. – Я виноват. Я замешкался, не сразу пришёл к тебе и поздно привёл ребёнка. Извини.

Сава рядом дышал напуганно и шумно, как пойманный в силки зверёк.

Йовар побуравил Юргена взглядом, а потом махнул тяжёлой ладонью.

– Жавора с тобой, – буркнул он. – Совсем распоясался. На, иди садись. Есть будешь, когда я закончу.

– Хорошо, мастер.

– Перестань. – Йовар скривился. – За ёрничество и язык подкоротить могу.

– Я не ёрничаю, – улыбнулся Юрген, устраиваясь под боком у Якоба. – Ты устал?

– Устанешь с тобой собачиться.

Хранко соорудил многозначительную, но беззлобную гримасу. Дескать, посмотрите, что делается: Юргену снова всё сходит с рук.

Йовар подался вперёд, грузно облокотился о колено.

– Ну, – сказал он Саве. – Подойди.

Сава стоял ни жив ни мёртв. Из-за чёрной одежды его веснушчатое лицо казалось ещё бледнее. Наскоро вычищенные волосы лохматились, как птичий хохолок, а глаза выглядели бездонными, точно зеленоватые колодцы. Сава посмотрел на Юргена, ища поддержки, и неуверенно шагнул вперёд.

– Ближе, – велел Йовар.

Говорил он в своей манере – неласково, но вполголоса. Человек, который его знал, понял бы, что для Йовара это – невиданное благодушие.

– Рассказывай, кто такой и откуда.

Запинаясь, Сава повторил свой рассказ про злую тётку, покойницу-мать и ушедшего отца. Хранко взирал на всё с отстранённо-мрачным любопытством – он был одних лет с Савой, когда пришёл сюда и так же разговаривал с Йоваром. Наверняка и он дрожал от волнения. Это потом старшие ученики Йовара делали вид, будто никогда не бывали на месте младших.

Выслушав, Йовар принялся объяснять Саве, что у него за служба. Якоб зевнул и полуразлёгся за столом, запустив пятерню в отстриженные каштановые волосы.

– У меня поживее было, – шепнул он Юргену, ухмыляясь.

Эту историю в Диком дворе слышал каждый и не по разу. Обычно Йовар сам встречал своих будущих учеников прямо у порога, но только не Якоба. Якоб, крепкий сирота лет десяти, сам забрался в его избу через окно – искал, чем бы поживиться. Якоба ничуть не смутило, что терем, куда он решил залезть, стоял в самом сердце чащи и был окружён черепами, – когда Йовар нашёл его на кухне, он пил оставленный Букарицей суп. Йовар, по его словам, так опешил от подобного нахальства, что потерял дар речи.

– ...обещаешь служить мне восемь лет? – спросил Йовар. – Безропотно, беспрекословно, ни мгновения не раздумывая над приказами, – до тех пор, пока не истечёт срок твоей клятвы или я не изгоню тебя прочь.

Это «изгоню» прозвучало хлётко, как удар плети.

Когда-то Ольжана думала, что эти слова – лазейка; она вынудит Йовара прогнать её и вернётся домой к семье. Но на памяти Юргена Йовар разорвал клятву только с одним своим учеником – Чеславом. *«Ты ведь не хочешь, чтобы я искал тебя так же, как его, Ольжана? На дне реки?»*

Не вспоминай, одёрнул себя Юрген. Не сейчас.

Это было не так весело, как вылавливать Якоба, не правда ли?

Йовар развернул ладонь – на ней заплесало мягкое пламя, живое свидетельство чародейской клятвы.

– Да. – Сава облизнул губы. – Обещаю.

Юрген не знал, каково это – заключать с Йоваром договор, так что в своё время расспрашивал остальных. Хранко говорил, что слова согласия ощутимо сходят с языка. Они соскальзывают в воздух плотным невидимым сгустком, обжигают горло и рот, отзываются в костях протяжным звоном.

Ольжана хмыкала, что это похоже на лихорадочный жар и петлю, затягивающуюся на шее.

Сава покачнулся и разругался, будто перед пышущей печкой. В ответ Йовар чуть улыбнулся в бороду – так быстро, что это можно было бы принять за наваждение.

– Садись за стол, Сава. – Он поднялся на ноги, высокий и могучий, как дуб. – Сегодня отдыхай, а завтра я начну тебя учить.

Сава мелко закивал. Йовар сделал движение пальцами, и Хранко шагнул следом.

– Идём договорим. – Йовар обернулся, несильно пихнул Юргена в плечо. – Не забудь накормить мальчонку.

Юрген приподнял брови. А что, мол, я могу забыть?

– Ну всё, не кривись, – проворчал по-медвежьи. – Иначе перекосяшься.

Едва ли его напоминание имело смысл. Йовар был скор на расправу, но когда он так неуклюже пытался сгладить свои вспышки ярости – поддержать беседу, заговорить о другом, – то казался Юргену совсем родным.

Когда они с Хранко ушли, Сава плюхнулся на скамью и прижал ладони к пылающим щекам.

– Ну что, – гоготнул Якоб, вновь взбалтывая чарку. – Хочешь не хочешь, а теперь ты часть Дикого двора.

* * *

Беда.

Юрген понял это, ещё не успев проснуться.

Он лежал в своей постели и смотрел в черноту. За окном была глухая ночь: пахло весенней свежестью, и голые ветки едва слышно скреблись в ставни. Тишь да гладь – но на грудь Юргена давила тяжесть, и внутри у него было тоскливо и пусто, точно стряслось нечто непоправимое.

Растерянный, он пытался разобраться с тем, что чувствует, – и тут его лоб прострелило жаром.

Что-то творилось с их двором и лесом. Юрген наспех оделся и вышел из комнаты. Спросонья он плохо понимал, что делает, – в голове ухала горячая боль, а сердце сжималось, будто в огромном когтистом кулаке.

– Якоб! – Он застучал кулаком по двери напротив. – Просыпайся!

До Хранко не докричаться – они с Бойей в башне. Йовар наверняка у себя, внизу, но всё ли с ним в порядке?..

Дверь с грохотом отворилась. Якоб – полуголый, взъерошенный со сна – смотрел так, будто жаждал дать Юргену затрещину.

– Ты чё, – спросил он, – совсем умом двинулся? Ты чё орёшь?

Юрген задохнулся от накатившей боли.

– Не знаю, – выдавил он. – Ты... ничего... не чувствуешь?

– Злость чувствую. Ты на какой ляд меня разбудил, пёс шелудивый?!

Юрген согнулся пополам, прижимая ладонь к груди.

– ...надо было заводить нормальную собаку, а то вместо неё ты у нас на любой шорох вскакиваешь... – Рука Якоба потрепала его за плечо. – Эй, Юрген? Ты чего? Эй?

В глазах потемнело. В ушах зашелестел ночной лес: здесь *чужие*, шептал лес, *чужие*... Звон монист, звон браслетов, звон-звон-звон... Звук не отсюда, отдающий в костях мерным гулом.

– В лесу кто-то колдует, – выдохнул Юрген. – Чародеи из чужого двора.

Волна боли схлынула так же быстро, как и накатила. Юрген глубоко дышал, придерживаясь за рёбра; а отдышавшись, осторожно выпрямился.

Якоб глядел на него с сомнением.

– Да ну?

Из дальних комнат выглянули младшие. Юрген различил растрёпанную макушку Савы, но дальше рассматривать не стал. Шикнул только – идите спать, мол, всё в порядке.

Якобу же он велел идти вниз.

– Да чтоб тебя... – Якоб потёр сонные глаза. – Юрген, я не понимаю.

Он не ответил. Не дожидаясь Якоба, перемахнул через перила и спустился по лестнице – на первом ярусе было темно и тихо. Юрген прислушался, надеясь различить хоть что-то; осторожно наступил на пятку, перекатился на носок – половицы отозвались лёгким скрипом.

Хруп! Ступеньки надсадно затрещали.

Юрген обернулся и выразительно посмотрел в очертания фигуры на лестнице.

– Ты это, – полюбопытствовал Якоб, – крадёшься, что ли?

– Видно, уже нет.

– А смысл? – Якоб на ходу накинул рубаху. – А-а нечистый, хоть глаз выколи... Хорошо тебе со своими пёсыими глазами, да?

Видел Юрген действительно неплохо. Он различил, как Якоб стиснул кулак и к нему из окна потянулась ниточка лунного света. Якоб разжал пальцы, вывернул ладонь, и на ней заплясал серебряный огонёк.

Свет полыхнул так ярко, что Юрген отвернулся.

Тут же ему показалось: что-то шевельнулось в углу. Какое-то животное, не различимое в темноте.

– Чарна? – предположил он.

Из темноты шмыгнула чёрная кошка. Прыгнула к лестнице, ударилась об пол – и вывернулась девушкой.

– И тебе не спится? – хмыкнул Якоб.

Чарна ничего не ответила. Она вообще была не из разговорчивых – вот и сейчас, кутаясь в накидку из шерсти, только мрачно посмотрела исподлобья.

Чарне было восемнадцать – на год меньше, чем Якобу. Она прожила у Йовара целых семь лет, а Юргену казалось, что он совсем её не знает. Вид у неё с детства был ведьминский – нависшие веки и чёрные волосы до пояса, которые она носила распущенными, видно, только чтобы прятать лицо за густыми прядями. Бойя тоже выглядела как колдунья из сказок, но совсем другая – ласковая и насмешливая, хотя могла творить чары намного более зловещие, чем Чарна. Бойя называла её неприветливой скорбной девочкой и думала, что ей ещё учиться и учиться – хотя Йовар считал Чарну куда способнее Ольжаны.

Хотя он всех считал куда способнее Ольжаны.

Ссутулившись, Чарна скользнула по Юргену быстрым взглядом.

– Если ты ищешь Йовара, он пошёл будить Хранко и его воронов. – Теперь она старательно на него не смотрела. – Больше ничего не знаю. Просто я не спала, ворожила на кухне. И... вот так.

Юрген кивнул.

– Спасибо.

В свете лунного пламени ему показалось, что Чарна покраснела.

Он и осмыслить всё не успел, как Якоб хмыкнул:

– Не к тебе пошёл, а к Хранко. Может, стоило спать спокойно, а?..

– Глупости не говори. – Бросил через плечо: – Идём.

Двор был залит лунным светом – и светом огней, пылающих в глазницах черепов. Юрген прыгнул с крыльца. Приглушённо ругаясь, Якоб пошёл следом.

Йовара встретили у ворот. Выглядел он так грозно, что Юрген не сомневался: если поймает чародея, который нарушил покой его леса, то тут же убьёт. Хранко стоял рядом. Один ворон сидел на его плече, второй – на согнутом предплечье другой руки.

Юрген открыл было рот, но боль в груди развернулась, расправила лепестки-лезвия. Он снова задохнулся, согнувшись в три погибели.

– Что, – произнёс Йовар угрюмо, – тоже чувствуешь?

Юрген слабо качнул головой.

– Чувствует – что? – Голос Хранко звучал надменно и недоверчиво. – Какой ты у нас нежный оказался, Юрген.

На плечо ему опустилась тяжёлая рука Йовара – и вмиг боль отступила, дышать стало легче. Юрген распрямился и понял, что ни Якоб, ни Хранко не испытывали ни толики того, что испытывал он. Но чему удивляться? В жизни Юргена никогда не существовало иного дома, кроме Чернолесья. Едва ли другой ученик Йовара мог чувствовать эти земли лучше, чем он.

– Кто-то решил, что может колдовать в моих владениях. – Йовар скрежетнул зубами. – Этот кто-то совсем потерял страх.

Вороны взмыли в воздух, и Хранко жестом указал им направление к лесу.

Йовар хмуро смотрел им вслед, стискивая пальцы на ремне. На поясе у него висел серп, через который он перекидывался – и который носил так, будто совсем не боялся порезаться.

– В лес вошли на юге, у Пограничных Столпов, – произнёс Йовар. – Но сейчас колдуют не дальше Лысого Холма.

– Как они идут так быстро? – поразился Юрген.

Хранко посмеялся.

– Думаю, они уже встретили то, что поубавило их пыл. Едва ли они подберутся к нам ближе.

– Они? – переспросил Якоб. – К нам пожаловал не один чародей?

– Двое. – Йовар сплюнул. – Довольно болтать. Юрген, бери Якоба, подойдёте к Лысому Холму с севера. Если найдёте этих колдунов раньше, чем я или Хранко, приведите их в терем. Живыми.

Якоб подошёл к воротам и осторожно – как мог – снял со столба один из черепов.

– Ночь на дворе, – пояснил он удивлённому Хранко. – Темно.

– Какой ты наблюдательный. – Хранко усмехнулся. – Что ж, ты прав. Всё лучше, чем тратить силы на огонь...

– А может, – рявкнул Йовар, – вы перестанете трепаться?

Он воткнул серп у своих ступней.

– Берите что хотите и вперёд, в лес.

Хранко молча снял другой череп – держал он его бережно, за затылок, боясь проломить хрупкие лицевые кости. Йовар же переметнулся через серп. Юргену казалось, что он даже не кувыркнулся, просто перешагивал через границу и выступал медведем. Сейчас Йовар стоял на задних лапах – чёрный, лохматый, ростом с двух взрослых мужчин. Он тяжело опустился и посмотрел на учеников суровыми тёмными глазами.

Хлоп – Хранко обернулся вместе с черепом. У Якоба это вышло не так ловко, но череп не выпал.

Йовар дёрнул медвежьим носом. А ты чего стоишь, мол?

Юрген вздохнул.

– Сам будь осторожнее, ладно? – попросил он. – Не руби сгоряча.

И тоже вонзил нож в землю.

Ночной лес шелестел приветливо. Только незванные чародеи, должно быть, шарахались в ужасе, встретившись со слугами Йовара: духами и нечистью, принимавшими форму то кряжистых деревьев, то желтоглазых хищников. Этих чародеев Юрген совсем не боялся – кто бы там ни был, им не совладать с Чернолесьем и его тропами; если Йовар захочет, они никогда не найдут дорогу к его терему.

Юргена пугало другое. Для Йовара не было ничего проще, чем раздавить чужаков – утопить в лесном болоте или отдать на съедение пущевикам... Но не выйдет ли ему эта расправа боком?

Двадцать пять лет назад чародеи Драга Ложи запретили Йовару выходить за пределы его владений – за то, что он слишком грозно обходился с жителями соседних деревень. Йовар не скрывал, что сейчас стал куда смирнее, чем был тогда. Он не чинил чужакам зла, если те вели себя достойно и не пытались зайти слишком далеко в его лес, – пусть охотятся и собирают ягоды, от него не убудет. Но раньше... Йовар не считал, что наказание Драга Ложи справедливо, однако Юрген догадывался, что дела он творил недобрые, и сам это признавал.

Юрген тут же вспомнил об отце Ольжаны. Купец нарушил негласный договор местных жителей с Йоваром – надеясь объехать преграду на дороге, он свернул в лес и, заплутав, заехал слишком далеко. Йовар мог остановить его и вывести обратно к большаку, но ничего не сделал – слишком уж хотел обрести нового ученика. «Купец сделал выбор, – сказал Йовар однажды. – Я преградил ему путь, но он мог дожждаться помощи на большаке, если бы не был так отчаян и нетерпелив. А за выбор нужно платить».

Какова же цена, которую Йовар запросит с незнакомых чародеев?..

Якоб в обличье вепря бежал рядом. Он был мощен и неповоротлив, но мог разогнаться так, что ненамного отставал от Юргена. Вместе они пересекали полянки, ручьи и колючие заросли. Небо летело над ними – поначалу синее, усыпанное звёздами, а потом – начавшее розоветь, точно один бок подпалили. Но колдуны нырнули под сень деревьев, ветки которых сплетались плотным куполом. Сюда не просачивался никакой свет – ни серебряных звёзд, ни бледного рассвета.

Юрген остановился у бурелома, принялся.

Лошади?

Он обернулся человеком. Перелез через одно поваленное дерево, замер под вторым. Якоб превратился следом и, подобрав крупную палку, насадил на неё череп.

– Что? – спросил он возле уха.

Вдалеке мелькнул лошадиный бок цвета топлёного молока. Один, второй... Из темноты выступили две лошадки с золотыми гривами и медными копытами. Не дыша, Юрген пролез дальше под деревьями, надеясь рассмотреть получше.

Якоб держал череп над его плечом. Юрген сощурился. После того как Йовар дотронулся до него, боль от чужого колдовства стала неразличима. Только зрение мутилось, как если бы голова шла кругом.

Но разве он увидел недостаточно? Золотые гривы, медные копыта – совсем как из потрёпанной книжки о чародеях Драга Ложи, которую они с Хранко в детстве читали перед сном.

– Это кони госпожи Кажимеры, – выдохнул Юрген. – Если их заклясть, за один шаг они преодолеют несколько десятков вёрст.

Череп над его плечом шевельнулся.

– Ты врёшь, да? – спросил Якоб с надеждой.

– Если бы.

Седоков не было. Юрген выбрался из бурелома и плавно обошёл коней.

– Не трогай их, – предупредил он Якоба.

Кони были послушные, нестреноженные, они стояли там, где их оставили всадники. Со скуки били копытами и откидывали назад морды. Шерсть их лоснилась, под шёлковой кожей перекатывались мышцы. Грива лежала на шеях и сверкала, будто золотая пряжа.

Якоб обиженно фыркнул.

– Я не дурак, Юрген. – Он опёрся о палку с черепом, как на посох. – Куда дальше?

Юрген пожал плечами. Чтобы выследить чужаков, ему пришлось перекинуться в собаку ещё раз – и тогда он расслышал новые звуки.

Колдуны обнаружили недалеко от места, где оставили своих коней, в яме, на дне которой много лет назад было озеро. Держал их там исполинский палочник-буреломник – страж леса, сложенный из веток и коротких древесных стволов; прорези его глаз сверкали зеленоватым светом, а изломанные руки прижимали к земле незваных гостей, и те, как ни старались, не могли выбраться из его хватки.

Но вскоре Юрген понял: они не очень-то старались. Может быть, поняли, что лучше спокойно дождаться здешних хозяев?..

Обернувшись человеком, он присел у края ямы.

– Доброй ночи. Чем обязаны?

Якоб оказался красноречивее. Воткнул палку в землю и присвистнул:

– Ба-а, Юрген. Я думал, мы с тобой ищем чародеев. А тут – чародейки.

Юрген попросил палочника отойти, и тот, недовольно скрипя, приподнял руки. Девушки тут же вскочили. Якоб приблизил череп к яме, чтобы они с Юргеном могли хорошенько их рассмотреть.

Первая девушка была крепкой и статной, ростом с Якоба. Черты лица её были хищными, птичьими – хотя, подумал Юрген, это неуместное сравнение; госпожа Кажимера принимала в свой двор только девушек, превращающихся в птиц. Йовар считал это самодурством – ни один колдун не может предсказать или изменить свою оборотничью форму, так зачем обращать на неё внимание?.. Первая чародейка особенно напоминала птицу. Нос у неё был крупный и горбатый, слишком широкий для её узкого лица – но при этом она показалась Юргену красавицей. Желтоглазая, с длинной золотой косой, она была одета в коричневый кафтан с золотым шитьём и тёмные порты. Лет ей было, может быть, как Хранко – двадцать пять. Её спутнице – около двадцати.

Юрген глянул на вторую чародейку и тотчас отвернулся, будто обжёгся.

Он знал многих красивых девушек, но эта чародейка была красива особенно – смущающей, роковой красотой, от которой перехватывало дыхание. Её тёмно-каштановые, почти чёрные волосы змеились косами, в которых Юрген разглядел вплетённые золотые колокольчики. По слухам, чародейки Звнящего двора всегда носили с собой бренчащие вещицы – так им было легче подстроиться под ритм чужих мыслей.

Чёрные брови девушки изгибались ровными дугами. Глаза её были бездонно-карими, губы – маленькими и багряными, точно раскрашенными вишнёвым соком. До чего она, должно быть, опасна, подумал Юрген и нахмурился. Куда опаснее, чем её напарница, одетая подобно воительнице, в то время как эта чародейка носила укороченный кафтан и длинную юбку. Юргена не обманывали ни её привлекательность, ни молодость.

Да что говорить – с обеими нужно держать ухо востро.

Первая чародейка вытерла грязь со щеки.

– Меня зовут Уршула, – сказала она так спокойно, словно мгновение назад не была придавлена лесным чудищем. – А это – панна Аделяйда.

– Ляйда. – Голос второй девушки был насмешливым, бархатным. – Для вас, мальчики, просто панна Ляйда.

Ещё бы. По ней сразу было видно, что она с юга Вольных господарств, где в знатных родах не было господ и господж, только паны и пани.

Рот Уршулы слегка дёрнулся.

– Мы чародейки Звенящего двора, – продолжила она ровно. – И мы здесь, чтобы передать вашему мастеру весть от нашей госпожи.

– А почему вы приехали к нашему мастеру ночью, как воры? – полюбопытствовал Якоб. – Да ещё принялись колдовать в его землях.

– Мы путешествуем на волшебных конях, и нам сложно рассчитать их шаг. – Уршула подняла взгляд на Якоба. – Простите за ночное вторжение. Это случайность.

В тоне – ни тени угодничества или неловкости.

– Эта случайность могла вам дорого обойтись. – Юрген подал Уршуле руку. Якоб последовал его примеру и помог панне Ляйде выбраться из ямы. – Наш мастер не жалует гостей, хозяйничающих в его землях.

Панна Ляйда усмехнулась.

– Я слышала, ваш мастер в целом гостей не жалует.

Юрген притворился, что не услышал. Он представил себя и Якоба, после чего сказал, что отведут чародейку в терем – но лучше бы им отправиться в своих оборотничьих телах, а не на спинах волшебных коней.

– Мы их не украдём, не бойтесь.

Уршулаглянула на него с сомнением, но процедила:

– Я не боюсь.

Юрген нарочно замешкался, когда все превращались: ему захотелось посмотреть, через что будут перекидываться ученицы госпожи Кажимеры. Ольжана часто перебрасывалась через свой платок, но Юрген не увидел у Уршулы и Ляйды ничего, что могло бы сойти за границу при превращении. Оказалось, это им и не нужно: они перевернулись через собственные длинные косы. Уршула – в орлицу, Ляйда – в ласточку.

Тогда Юрген убедился: госпожа Кажимера послала к ним не простых учениц. Она отправила лучших. Сильнейшие из чародеев не могли перебрасываться через часть себя, одна лишь госпожа Кажимера славилась умением перекидываться через свой волос. Значит, и учениц она учила тому же.

Когда они добрались до терема, уже рассвело. Небо было серо-розовым, хмурым – Юрген любил разную погоду, но внезапно и ему стало так неудобно, что захотелось поскорее укрыться в домашнем тепле. Якоб повесил у ворот потухший череп – чародейки глядели на него без особого удивления, точно всегда знали, что у Йовара на дворе полным-полно человеческих останков. Да и что им кости, если они знали куда более жестокие чары?

Некогда госпожа Кажимера уговорила Драга Ложу пленить Йовара в его же владениях. Йовар редко рассказывал ученикам о госпоже Кажимере, но если уж и рассказывал, то злился: не ведьме, перекраивающий чужой разум, упрекать его в изуверстве.

На заборе сидел ворон и смотрел на чародеев умным чёрным глазом. Один из колов пустовал без черепа – значит, Хранко ещё не вернулся. Юрген положил руку на крыло птицы, передавая весть: «*Нашли. Возвращайся*». Много лет назад Хранко научил их связываться с ним через воронов. Всех их: Бойю, Ольжану, Якоба, Чарну... Чтобы они, где бы ни находились, всегда смогли рассказать о себе Дикому двору.

Юрген почувствовал на себе долгий взгляд панны Ляйды. Полуобернулся, удивлённо приподнял брови.

Она рассматривала его не таясь.

– Ах, Урыська, – мурлыкнула она. – Какая же красота пропадает в этой чаше.

Якоб подавился смешком, но Юрген снова сделал вид – на этот раз с раздражением, – что не услышал.

Уршула закатила глаза.

– Идём быстрее, – велела она Ляйде. – Ваш мастер не дома?

– Нет, конечно. – Юрген отправил ворона в небо. – Он не стал бы отсиживаться, когда по его лесу слоняются чужаки. Скоро вернётся.

Чародейки разглядывали их двор и терем, примечая детали, и Юргену стало тошно от этого – хотелось, чтобы они поскорее убрались к госпоже Кажимере. Да и зачем они пожаловали? Какое у Кажимеры дело к Йовару, если они друг друга на дух не переносят?..

В большой трапезной они встретили Бойю и Чарну. Чарна настороженно взидала на всех из угла, а Бойя, коротко расспросив о случившемся, дёрнула бровью и протянула:

– Ой-й, девочки, полуночные гости. Ну что же, присаживайтесь. У нас здесь, конечно, не стоегостские хоромы, но куда деваться.

Вид у неё был донельзя ядовитый – даже панна Ляйда ничего не сказала. Только молча устроилась на скамье, но не на той, где села Уршула.

Бойя положила локоть на столешницу и подпёрла щёку ладонью.

– Как поживает моя подруженька Ольжана? – спросила она. – Вы её там не обижаете?

Юрген не сумел растолковать выражение лица Уршулы, но оно ему не понравилось. Панна Ляйда недобро усмехнулась.

– А ты не знаешь, кумушка? – Она потянулась. – Твой мастер не рассказал тебе об этом?

– Ляйда. – Уршула сжала губы. – Замолчи.

Игривый настрой Бойи как ветром сдуло.

Тоска засвербела в груди Юргена. Только бы дожидаться Йовара – при нём можно спросить то, что ученицы Кажимеры не расскажут сами. Только бы дожидаться...

Первым появился Хранко. Скользнул в трапезную чёрной тенью и замер рядом с Бойей. Юргену показалось, что все ученики Йовара разом стали тише и незаметнее шишимор – не до них сейчас было. Грохнула входная дверь. Раздались громоподобные шаги.

Лицо Уршулы не выдавало ни единого чувства, но пальцы тревожно сплелись в замок, звякнул браслет на тонком запястье. Ляйда сидела более раскованно – не по струнке, как её спутница, а опёршись на ладонь. Но перед появлением Йовара подобралась и выпрямилась.

Йовар вошёл и окинул обеих тяжёлым взглядом.

– Кто такие? – проговорил сквозь зубы.

Чародейки поднялись. Уршула рассказала, из какого они двора и что их сюда привело, но Йовар, казалось, едва слушал. Одним резким движением он выдвинул скамью и сел напротив девушек.

– А ваша госпожа, – бросил он с отвращением, – не предупреждала, чтобы не смели колдовать в моём лесу?

Уршула начала говорить про волшебных коней, но Йовар со злостью ухнул кулаком по скамье.

– Про своих коней, – плюнул, – будешь заливать кому-то другому. Думаешь, я колдовство волшебных тварей от человеческого не отличу? Что вы делали?

Уршула помедлила, выровняла дыхание. Затем призналась – когда кони вынесли их ночью в Чернолесье, они с панной Ляйдой зажгли чародейский огонь, чтобы осветить себе путь, и, мол, господин хозяин, они не использовали своё колдовство против стражей его леса или...

– Совсем берегов не видите? – Йовар упёрся рукой в колено и подался вперёд. – Не первый год под Кажимерой ходите, но не понимаете, чем это чревато?

Уршула слегка сузила глаза.

– Есть закон о гостеприимстве, – проговорила она. – Ученик одного чародея Драга Ложи может прийти ко двору другого в любое время дня и ночи, зная, что его не тронут.

– Не говори мне об этих законах, – процедил Йовар. – Я знаю их не хуже твоей госпожи. Нигде не сказано, что ученик одного чародея Драга Ложи смеет колдовать во владениях другого, понимая, в чьих землях находится.

Уршула помолчала и плавно поклонилась.

– Извини нас, – сказала она. – Всё, что мы делали, было не со зла.

Йовар хмыкнул.

– Ладно, – бросил наконец. – Что у тебя?

Уршула шагнула вперёд. Панна Ляйда, сцепив за спиной маленькие руки, легонько закачалась с пятки на носок.

– В Стоегосте, – начала Уршула, взвешивая каждое слово, – появилось чудовище. Оно задрало нескольких стражников и горожан, напало на крестьянский обоз, и неизвестно, скольких людей убило после этого.

– Печально, – проворчал Йовар. – Но мне-то какое дело?

– То, что сейчас называют Сущностью из Стоегоста, раньше было Беривоем, одним из господаревых дружинников. Тебе незнакомо это имя, мастер?

– Я не твой мастер, – ответил он, кривясь. – Нет, я никогда о таком не слышал.

– Что ж... – протянула Уршула. – Сущность из Стоегоста бросается на разных людей, но самую лютую ненависть испытывает к одной из учениц моей госпожи. Такую лютую, что пустилась за ней в бега.

Она внимательно смотрела на Йовара, будто пыталась что-то прочесть по его лицу. Но Йовар только фыркнул:

– Мне нет дела до того, что происходит с ученицами твоей госпожи.

Панна Ляйда издала короткий звук – то ли смешок, то ли кашель.

– Но раньше она была твоей ученицей, господин, – произнесла она медово, с легчайшим оттенком улыбки. – До неё тебе тоже нет дела?

И скользнула вперёд, к Уршуле.

Юрген похолодел. Он встретился взглядом с такой же непонимающей Бойей.

На лицо Йовара легла тень.

– Ольжана, верно? – Ляйда спросила это будто у всех одновременно. – В этом, конечно, есть её вина, но теперь она – главная цель чудовища. Хотя мы все понимаем...

Ляйда зашагала из стороны в сторону.

– Кто бы ни создал Сущность из Стоегоста, – шаг, шаг, поворот, звон колокольчиков в косах, – он сделал это совсем не для того, чтобы уничтожить твою бывшую ученицу, господин. Вернее, не только для этого.

Йовар снова опёрся о колени, расставил локти.

– Что ты имеешь в виду?

– Наша госпожа, – подала голос Уршула, – усмотрела в этом оскорбление себе и угрозу всему своему двору.

Йовар медленно огладил бороду.

– Что ты ещё принесла от неё?

Будто уже знал, чего ждать.

Уршула достала из-за пояса узорное перо сипухи.

– Моя госпожа считает, – произнесла она тоном, похожим на извиняющийся, – что ты приложил руку к созданию чудовища.

Она выпустила перо. Закачавшись в воздухе, оно мягко опустилось на пол и вспыхнуло золотыми искрами.

Когда чары развеялись, Юрген разглядел на полу знак – витиеватые буквы, вписанные в круг из согнутой, переломанной в одном месте стрелы. Это он тоже видел в книге про Драга

Ложу – послание, которое другие чародеи отправили Нимхе, главе пятого, ныне уничтоженного двора.

– Что это? – зашипел Якоб ему на ухо. – Что это значит?

Конец, предположил Юрген.

Он поднял глаза на Хранко, белого как молоко.

– Это объявление войны, Якоб, – произнёс Юрген одними губами. – Всем нам.

– Моя госпожа вызывает тебя на суд Драга Ложи, – сказала Уршула, – когда другие чародеи согласятся явиться в Тержвице и на время снять чары, удерживающие тебя в лесу.

Йовар смотрел на знак не моргая. От линий, прожжённых в полу, отлетали частицы, похожие на хлопья золотой золы.

– Вызывает меня одного?

Уршула склонила голову.

– С твоими ближайшими учениками.

Йовар вперил в неё тяжёлый взгляд.

– Скажи Кажимере, что я не имею никакого отношения к этому чудовищу. Мои ученики – тем более.

– Это будут решать в Тержвице, господин, – произнесла Ляйда серьёзно. – Нечего беспокоиться, если на тебе нет вины.

Йовар резко поднялся, и чародейки отступили на пару шагов.

– Скажи ей, – потребовал он у Уршулы, – что я не позволю поступить с моими учениками так, как поступили с учениками Нимхе.

– Господин...

– Я, – прогрохотал Йовар, – не создавал никакого чудовище, и мой двор никогда не повторит судьбу двора Нимхе. Уяснили?! – Он сжал кулаки. – А теперь убирайтесь!

Трапезную тряхнуло так, будто весь терем подпрыгнул. Окна распахнулись. Снаружи поднялся ветер – он завыл и зарычал, как невидимый зверь.

– Вон, – уронил Йовар с ненавистью.

Дважды ему повторять не пришлось. Чародейки обернулись – и вылетели птицами из дома.

Йовар взмахнул рукой, и скамья, на которой он сидел, с оглушительным треском ударилась об стену. Со столов полетели горшочки с сухоцветом. Дверь раскрылась так, что едва не слетела с петель.

– Хватит! – крикнул Юрген. – Йовар, перестань!

Воздух в трапезной закружился – вместе с ветками сухоцвета, пылью, черепками горшочков, частицами чар госпожи Кажимеры. Юрген прыгнул к Йовару и, кое-как изловчившись, ухватил того за плечи.

– Успокойся, – потребовал он.

Йовар посмотрел на него пустым взглядом.

Дзин-нь. Хр-рясть. Разбитые горшочки повалились на пол.

Йовар вполсилы оттолкнул от себя Юргена и покачал головой.

– Ты просто не понимаешь, – проговорил он неживым голосом, – что сейчас начнётся.

Глава IV. Недобрые люди

Вчера они не смогли найти постоянный двор и заночевали прямо в кибитке Лале. Ранним утром остановились у речушки, чтобы умыться – Ольжана предпочла бы баню при корчме, а не холодную весеннюю речку, но что есть, то есть. В конце концов, Ольжана была северянкой, не её уж пугать холодом. Поэтому она нырнула, решив не возиться с огнём и небольшими кадками нагретой воды.

На противоположном берегу стоял лесок. Он шумел ласково и умиротворённо. Над водой висел туман – молочный под сизо-розовым небом; казалось, будто плывёшь в облаке. Ольжана выбралась на камень и принялась одеваться.

От дороги её закрывала кибитка Лале. Сам Лале, уже искупавшийся, сидел с обратной стороны кибитки и готовил еду – раньше этим занималась Ольжана, но сегодня он вызвался сам. В путешествии с незнакомым мужчиной было мало удовольствия, но Лале вёл себя учтиво – держал расстояние и безропотно сворачивал с большака к воде, если Ольжана его просила. А просила она часто – такие были дни. Мыться и стираться приходилось наспех – чем больше они проезжали днём, тем дальше оказывались от Сущности из Стоегоста. Нынешнее утро было единственным, когда Ольжана позволила себе собраться, не торопясь как на пожар, – да и то потому, что они с Лале проснулись затемно.

Она закрепила поясок с губкой и подкладкой из нескольких слоёв ткани, надела сорочку и провела рукой по голени, распоротой когтями Сущности, – на коже остался бугристый шрам. Вздохнула, подвязала лентой чулки над коленом.

Её выстиранная борожская одежда – сарафан и исподнее платье – лежала на камне. Теперь, вдали от Стоегоста, разумно было носить одежду южных государств. У Ольжаны была такая: длинная юбка, жилет, украшенный вышивкой, и рубаха с рукавами, присборенными у запястий. Ольжана затянула шнуровку на груди и подумала, что наряды южных государств нравились ей даже больше борожских – в них она не казалась такой бочкообразной.

В родной деревне Ольжана считалась бы красавицей. Она была крепкая, кровь с молоком, высокая, с широкими бёдрами и большой грудью. Но одно дело – северное захолустье, а другое – Стоегост и двор госпожи Кажимеры. Ольжана знала, что по сравнению с изящными, птичьими утончёнными ученицами госпожи выглядела как деревенская девка, дочь зажиточного купца, – но она ей и была. Куда от этого денешься?

Ольжана хмыкнула, разглядывая себя в карманное зеркальце.

Лицо у неё было круглое, щекастое и простодушное. Подбородок с ямочкой. Кончик носа приплюснут и чуть вздёрнут, как пятачок. Брови густые, но короткие. Глаза лучистые и карие. Локти круглые, запястья и лодыжки – широкие, россыпь коричневых родинок на мягкой шее. Но зато волосы! Какие у неё были волосы – длиной до лопаток, рыжие, выющиеся упругими бараньими кудряшками. Ольжана очень их любила и думала, что только благодаря своим пушистым кудрям не слишком-то выпадала из ряда учениц госпожи Кажимеры. Поглядывая в зеркальце, Ольжана бережно заплела причёску-корзинку и спрятала её под косынку, завязанную сзади, – чтобы не испачкать волосы в дорожной пыли.

Она капнула на запястье любимые духи из Стоегоста – с запахом яблока, ландыша и ореха – и, оглянувшись, положила кисти ладонями вверх. Вокруг по-прежнему не было ни души, и Ольжана, зажав солнечный свет, принялась сушить выстиранную одежду. Она перебирала ткань тёплыми руками и озиралась чаще, чем когда, нагая, плавала в речке.

За последние столетия жизнь колдунов в Вольных государствах несколько раз менялась так резко, будто качали маятник. Колдуны прошлого были могущественны и властолюбивы. Они охотно участвовали в междоусобицах и интригах. Воевали, упивались богатством, сме-

щали правителей с престола. С их помощью некогда единая страна распалась, и земли охватила смута.

Ольжана знала, что в истории не было ни правых, ни виноватых и что одни тёмные времена пришли на смену другим. Господарцы призвали на помощь соседа – гордый Иофат. Они приняли новую веру, принесли вассальную присягу, и всецелое чародеев сменилось годами страшных гонений.

Ольжана приподняла сарафан и с сомнением на него посмотрела. Высох, нет?.. Весело лязгнул браслет на запястье – это отвлекло от мрачных мыслей. Что ни говори, тогда всё закончилось благополучно – Вольные господарства хоть и не объединились, но оправались от тяжёлых времён. Господари научились встречать общего врага вместе, а спустя сотню лет скинули вассальное ярмо. Иофат к тому времени ослаб, в его замках начались распри за опустевший каменный престол.

А пятьдесят лет назад пять могущественных чародеев создали Драга Ложу в ответ на преследования. Их дворы стали для колдунов оплотом безопасности. Про чародейские дворы знали и священнослужители, и господа, и обыкновенный народ, но все подчинились одному закону: пока вы не трогаете нас, мы не трогаем вас – так в Вольных господарствах установился мир. И лучшее, что мог сделать чародей за пределами своего двора, – не привлекать к себе внимания.

Куда тяжелее приходилось колдунам, не принадлежащим ни к одному из дворов. В случае чего за них было некому вступить, и они, собирая крохи тайных учений, существовали тайно. Учудишь что – могут и вздёрнуть. Ольжана об этом помнила. Если застанут, кому что она будет доказывать?.. Благоразумный ещё послушает, а глупая толпа зашибёт и не заметит. К тому же она путешествовала с Лале. Выдать в себе ведьму – значит подставить под удар и его. Где это видано, чтобы башильер любезно возил колдунью по стране?

Ольжана свернула высушенные вещи и положила их в сак. Ох, Длани, подумала она, затягивая тесёмки. Появление чудовища нарушило хрупкий мир в Вольных господарствах. Не ровен час, господарцы обвинят колдунов в создании тёмной твари и будут правы. Что начнётся позже? Снова гонения?..

Госпожа Кажимера сказала: чудовище создал удивительно сильный чародей или чародейка. Может быть, один из Драга Ложи – тогда она уже подразумевала Йовара, но что, если это был кто-то другой? Зачем ему это – уязвить госпожу Кажимеру? Посеять раздор в Драга Ложе и Вольных господарствах?.. Ольжана считала себя слишком незначительной, чтобы ради неё затевалось такое дело. Да и к тому же, если она умрёт, Сущность из Стоегоста всё равно останется смертельной угрозой – только, как отметила госпожа Кажимера, чудовище будет труднее выследить.

Ольжана подняла сак и пошла к кибитке.

Лале сидел у огня и перекладывал в горшок еду с причудливой плоской сковороды. Он поднял глаза и спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Ольжана пожала плечами.

– Лучше всех. А вы?

– Не жалуюсь, спасибо. – Он поскрёб сковороду длинной деревянной ложечкой. – Ольжана, если вам понадобятся... какие-то отвары от боли... вы всегда можете попросить. Я лекарь, вам не стоит меня смущаться.

Она не смущалась. Ей казалось, что для мужчины возраста Лале естественно знать, как устроено тело молодых женщин и что с ним бывает.

– Длани, какой вы хороший! – Улыбнувшись, она села на покрывало и подоткнула под себя юбку. – Спасибо, не нужно.

И кивнула на сковороду.

– Что это?

Лале выслушал её похвалу с холодной серьёзностью. Должно быть, для него это прозвучало слишком панибратски.

– Садж, – ответил он, постукивая по сковороде. Та была чугунной, с двумя гнутыми ручками. – Я привёз его из Хал-Азара.

Черноглазый и черноволосый, он сидел у костра, скрестив ноги, и сейчас как никогда напоминал Ольжане чужака из восточной страны. Даже несмотря на подрясник. Ольжана заметила, что сегодня его короткая борода выглядела ухоженнее – он сбрил часть разросшейся щетины с шеи и щёк. Чуть подрезал волосы – над ушами пряди ещё были влажные.

На груди у Лале, помимо ладанки, теперь висел знак башильеров: крохотный меч, оплетённый веткой оливы. Всё – из иофатского железа. Лале надел его недавно, признавшись, что не носил нарочно, чтобы не напугать Ольжану при первой встрече.

Ольжана вздохнула. Знак её все равно настораживал.

– Вам помочь?

– Нет, благодарю. – Лале переложил часть еды в горшок, закрыл его крышкой и объяснил: – Это нам на день.

Ели они прямо со сковороды, потушив огонь. На вкус Ольжаны, было необычно – курица с морковью и специями, названий которых она не знала. Специи всегда казались ей воплощением богатства, а богатства не вязались с Лале.

– Я думала, – проговорила она, скользя кусочком хлеба по сажу, – в Хал-Азаре готовят в таких вот горшках.

Она сложила руки треугольником.

– С вытянутой крышкой. Я видела рисунки. Их привёз один из учеников моего бывшего мастера – выкупил на каком-то базаре в южных господарствах. Может, в Мазарьском или Тачератском, не знаю.

Задумавшись, Лале погладил перетянутую шрамами щёку.

– Наверное, вы о тажине. Такой у меня тоже есть, но готовить в нём нужно долго, а мы... не располагаем лишним временем.

Ольжана согласно кивнула.

– Вы привезли с собой половину Хал-Азара, Лале?

– Я постарался. – Он скупно улыбнулся. – Посуду, травы, книги, специи... К слову, о них. Как вам?

Ольжане было слишком. Для нее еда получилась чересчур пряной, но не настолько, чтобы казаться противной. Поэтому Ольжана вежливо признала: непривычно. Расстраивать Лале ей не хотелось, поэтому она добавила, что благодарна ему за возможность попробовать что-нибудь новое.

Лале помедлил. Спросил отвлечённо:

– Ваш бывший мастер – колдун из леса. Кто же из его учеников такой ценитель востока?

– А-а, это Хранко. – Ольжана покрутила ложку. – Чародей-ворон. Однажды Йовар отправил его путешествовать, и Хранко вернулся с ворохом гостинцев и новых книг. Он страшно охоч до знаний. Думаю, вы бы поладили.

Лале поправил перчатку на левой руке. Засмотрелся на неё, пошевелил пальцами.

– Может, и поладили бы. Вы не скучаете по чародеям своего бывшего двора, Ольжана?

Вопрос застал её врасплох.

– Не знаю, – удивилась она. – Точно не по Хранко.

Она даже хохотнула, подумав об этом.

– Если только по временам, когда он рассказывал что-то любопытное, а я слушала его рядом с теми, кого могла бы назвать друзьями. Тогда мне было хорошо и спокойно. Наверное, я была счастлива. – Она вытерла губы. – Только я об этом ещё не знала.

Ей тут же стало неловко, будто сболтнула лишнего. Лале внимательно на неё смотрел.

– Почему не знали?

Ольжана отмахнулась.

– Потому что сначала хотела домой, а потом – в другой двор. Но видите, я при другом дворе, а всё равно не могу назвать себя счастливой. – Ольжана болезненно улыбнулась. – Эти полгода до чудовища тоже не могла. Думаю, я из тех людей, которые нигде не бывают счастливы. Мне везде всё не так.

Она встала, сложила ложки и потянулась за опустевшим саджем.

– Сидите, – сказала, – я вымою.

Садж был тяжёл, но не настолько, чтобы Ольжана не сумела доволочь его до реки. Возражая, Лале дёрнулся, но ловко подняться у него не получилось.

– Вам помочь?

– Длани, нет. – Он шумно вздохнул, оттягивая пальцем высокий чёрный ворот. Неуклюже встал, придерживавшись за землю. – Госпожа Ольжана, я жалею, что раньше времени рассказал вам про пришитую руку. Будто хромой ноги мало. Так вы решите, что вам отправили совсем калечного помощника.

– О-о. – Ольжана закатила глаза. – Не наговаривайте на себя. Мне могли бы никакого помощника не отправлять. И нет, я не отдам вам вашу чудную сковородку. Вы готовили – будет справедливо, если я вымою.

Лале сделал к ней шаг, и Ольжана тряхнула головой.

– Даже не подкрадывайтесь!

Перехватив садж за ручки, она посеменила к реке.

Она решила, что на следующей стоянке обдаст всю посуду кипятком, а пока счистила с неё пучком травы копоть и грязь, ополоснула водой. Когда она закончила, Лале уже впряг лошадку в кибитку. Ольжана перехватила садж и подпёрла его бедром, точно корзину.

– Совсем забыла спросить, как зовут эту красотку. – Она кивнула на лошадку.

Кобылка Лале была каурой и крепконогой, очень выносливой на вид. Лале смущённо погладил её лохматую гриву.

– Сэдемея.

Ольжана прыснула, ставя садж в кибитку.

– Как иофатскую королеву? Лале, я и не знала, что вы такой остряк.

– Такое имя дал ей прошлый владелец. – Лале развёл руками. – Я купил её пару лет назад, когда вернулся в Вольные господарства. Посмотрите на меня, куда мне называть лошадку в честь весёлой королевы? Я бы назвал как-нибудь занудно.

Он подошёл к Ольжане и подал ей руку. И уже поднявшись на ступеньку, Ольжана вздохнула.

– Мне очень жаль вашу лошадку, – призналась она. – В вашей кибитке столько вещей, а тут ещё я прибавилась. Я бы с удовольствием ехала в птичьем теле, чтобы ей было легче, но... я столько не выдержу. Я поздно обратилась и так и не сумела привыкнуть к своей форме перевёртыша.

– Не оправдывайтесь. – Лале заколот задний полог. – Сэдемея тот ещё тяжеловоз. Её предыдущий хозяин-иофатец говорил, что привёз её жеребёнком из земель льёттов – а льёттские лошади, мол, не то что наши.

Когда Лале занял место на козлах, Ольжана снова села на передний край скамейки и выглянула к нему из кибитки.

– Хотя, может, – пошутила она, – и вам было бы лучше, если бы я оставалась малиновкой. Тогда бы я не донимала вас беседами.

Лале прицокнул языком, и Сэдемея зашагала к большаку.

– А то вы не заметили, – он натянул поводья, – что я и сам люблю поговорить. Правда, обычно я путешествую один.

Ольжана подпёрла висок кулаком.

– Грустно, – изрекла она. – Ну ничего, ещё пара ночей под открытым небом – к нам и чудище подтянется. Втроём веселее.

Лале кашлянул, попытавшись скрыть смешок.

– Не понимаю, как вы можете об этом шутить.

– Ну а что мне, рыдать постоянно? – Ольжана отвернулась. – Пока не хочется.

Прошлой ночью она почти не сомкнула глаз. Вслушивалась в пение цикад и шелест трав снаружи кибитки, ожидая, что вот-вот тишину нарушит звериный рык. Она ворочалась на узкой скамейке и боялась разбудить Лале – кибитка не была широкой, и Ольжане казалось, что она может коснуться его, если протянет руку к противоположной скамье. Лежать так близко к малознакомому мужчине – тоже удовольствие из сомнительных.

А если Ольжана и забывалась рваным, беспокойным сном, ей снился Беривой – не чудовищем, а красавцем-дружинником, которого она решила избрать целью для своих упражнений. Он был темноволосым и ясноглазым, с жёсткой улыбкой на безбородом лице. О нём говорили всякое – будто он был одним из самых развесёлых и беспашашных подручных господаря Нельги. Объезжая дворы для сбора дани, он вёл себя развязно и дерзко, и наверняка не один простолюдин мог назвать его своим обидчиком.

Ольжана недолго прожила в Стоегосте – всего несколько месяцев, – но успела сложить мнение о Беривое. Он был из породы молодых воинов, которые упивались силой и не признавали над собой иной власти, кроме господаря. Что остальные? Шелуха под копытами их коней. А Ольжана уже бывала на месте слабого, которого так просто обидеть, – когда Йовар отобрал ребёнка у её отца.

Может, она выбрала Беривоя не только потому, что его сердце показалось ей достаточно прочным для её неловких чар. Может, ей хотелось перевернуть фигуры на игровой доске и заставить гордого человека почувствовать себя уязвимым. Ну что, спросила она себя мысленно, доигралась? Пусть она не назвала бы Беривоя хорошим человеком, заслуживал ли он того, что с ним сотворили?

Ольжана дёрнула рукой – звякнул браслет на запястье. Захотелось сорвать его и швырнуть в придорожную грязь. Зачем он ей? Не чародейский инструмент, а так, насмешка над её неудачами. Ольжана не умела ладить с чужими мыслями и чувствами, никакой звон ей в этом не помог бы.

Кибитка ехала вдоль полей. Солнце выкатилось на небо, но вскоре скрылось за тучами. Когда они проезжали по каменному мосту, переброшенному через реку, Лале сказал:

– Мы уже в Мазарьском господарстве.

– Родина панны Ляйды, – кивнула Ольжана. Она смотрела на реку, бурлящую под мостом, и думала, не прячутся ли там русалки. Мазарьское господарство лежало южнее Стоегостского – если здесь и водились утопленницы, наверное, им было теплее и веселее, чем под Боровичем. – Вы знаете панну Ляйду?

Лале усмехнулся.

– О да. Не лично, конечно. Я стараюсь держаться подальше от опасных молодых чародеек.

– А я, стало быть, безопасная?

– Если хоть половина слухов о панне Ляйде – правда, то да, госпожа Ольжана, я предпочту путешествовать с вами и вашим чудовищем. – Лале задумчиво смотрел на дорогу. – Она ведь могла бы оказаться на вашем месте. Сколько молодых людей обезумели от её чар?

– Ну, чары у неё иные. – Ольжана снова тряхнула браслетом. – Ляйда – сильная чародейка и играет с разумом куда тоньше и искуснее меня. Но я понимаю, о чём вы. Знаете, я

всегда находила общий язык с девушками легче, чем с мужчинами. Я умею и люблю дружить с женщинами, но...

Она замялась, раздумывая, действительно ли ей так сильно хочется посплетничать. И решила: да, хочется.

– Но некоторые ученицы госпожи Кажимеры меня пугают.

– Вы про...

– Ляйду и Уршулу. – Ольжана поправила юбку и подтянула к себе колено. – Мне кажется, они не ладят ни друг с другом, ни с остальными чародейками Звонящего двора, будто соперничают со всеми за благоволение госпожи Кажимеры. Но мне нравится третья любимица госпожи, Амельфа. Вы видели её?.. Превращается в лебедицу. Красивая, нежная и вежливая.

Лале чуть нахмурился, вспоминая.

– Она... – Ольжана подыскивала слово, – зазноба господаря Нельги.

– Это вы так трогательно решили не говорить «любовница»? – Лале полуобернулся. – Можете не стараться.

– Слушайте, вы всё-таки монах. Откуда я знаю, как вы относитесь к внебрачным связям.

– Не краснею, если при мне их упоминают. – Лале осторожно потёр переносицу. – А у вашего бывшего мастера есть любимые ученики?

Ольжана хохотнула.

– Вам любопытна жизнь моего бывшего мастера, правда?

Лале глянул на неё растерянн. Его плечи напряглись.

– Он... живёт скрытно, и о нём знают меньше прочих чародеев Драга Ложи. Прошу прощения, если мои вопросы...

– Ой да успокойтесь. – Ольжана махнула рукой. – Сама вон сколько у вас выспрашивала. В любопытстве нет ничего плохого.

– Мне часто советуют не совать нос в чужие дела, так что...

– Ещё бы, если ваша жажда знаний сильнее, чем предубеждения перед колдунами. – Ольжана вздохнула. – Йовар ценит своих старших учеников. По-разному, но всех, кроме меня.

Она начала загибать пальцы.

– Самый старший и ответственный – Хранко. Пытается выслужиться не хуже Ляйды и Уршулы. Хочет быть первым человеком после Йовара, но это ему удаётся не всегда. Ещё есть Бойя. – Ольжана загнула безымянный палец. – Моя дорогая подруга, колдунья-сорока. Невеста Хранко. Йовар хоть и не жалуется на девок, но признаёт, что Бойя умная и способная. Чуть меньше он любит Якоба-вепря – олицетворение пословицы «сила есть, ума не надо». Якоб не так глуп, как хочет казаться, но дальновидности ему не хватает. А может, она ему и не нужна.

Ольжана покачала указательным пальцем.

– Чарна, оборотница-кошка, хотя я бы сказала – тёмная лошадка. Йовар её тоже уважает. Может, его ворчание насчёт девок – способ оправдать свою нелюбовь ко мне?.. Как бы там ни было, он верит, что Чарну ждёт блестящее колдовское будущее. Но все, кого я перечислила, – это лишь присказка, а сказка впереди.

Ольжана сомкнула ладони.

– Последний, но не по значению, – Юрген. Вы спрашивали: если я по кому и скучаю, то по нему и Бойе. Йовар в Юргене души не чаёт. Ко всем старшим относится как к дорогим ученикам, но к нему – как к сыну.

– Юрген. – Лале тонко улыбнулся. – Необычное имя.

– Это из льёттской песни про конунга, которого младенцем оставили у побережья. Песня очень красива, вы её знаете? Конунга нашла и воспитала простая семья, а потом он вырос и стал героем. Но с именем Юргена вообще смешно вышло. – Ольжана улыбнулась. – Его подкинули в лес Йовара, а Йовар – это огромный суровый колдун. Не думаю, что он знал, как обращаться с новорождёнными. Тогдашние ученики, видно, были ему под стать – кроме

Ратмилы, которая сбежала в Дикий двор от мужа-наильника. Только благодаря ей Юрген и пережил свой первый год.

Ольжана прижала руку к груди.

– Честное слово, обожаю эту историю. Ратмила несколько раз пыталась дать Юргену имя, но ни одно не приживалось, и все – все, понимаете? – целый год называли его просто Ребёнок. Пока во двор Йовара не пришёл новый ученик, Чеслав. Он узнал о том, как Юрген туда попал, вспомнил героя северной песни, и остальным наконец-то понравилось.

Ольжана пододвинулась, чтобы Лале лучше видел её краем глаза.

– Чеслав, конечно, был немного того. – Она пошевелила пальцами у виска. – Якшался с тем, чем не стоило, поднимал умертвий на погосте... В общем, закончил плохо, но, если бы не он, Юргена бы до сих пор звали Ребёнком. А в двадцать лет как-то не то, согласитесь. Так что теперь он у нас как льёттский конунг, вернувший себе престол отца.

Лале смотрел на мерно цокающую лошадку. Сказал отвлечённо:

– Такому имени сложно соответствовать.

Ольжана растроганно улыбнулась.

– Он очень хороший человек. Добрый, чуткий и бескорыстный. Благодаря ему и Бойе моя жизнь у Йовара не была такой невыносимой.

Лет в семнадцать Ольжана чуть не влюбилась в Юргена, но вовремя решила, что уж лучше ему быть её названным младшим братом – так всем будет спокойнее. А роль несчастно влюблённой оставила Чарне.

Ольжана ещё немного поговорила с Лале. Тем временем небо нахмурилось – тучи сделали его низким и вихрастым, лилово-серым.

– Ну вот. – Ольжана указала наверх. – Снова.

– Хоть бы не ливень, – согласился Лале.

Закрапал мелкий дождь – Ольжана понадеялась, что он не разойдётся. Она прижалась плечом к стенке кибитки и принялась смотреть на дорогу. Холмов здесь не было, лишь поля и лесочки за ними. Повсюду – шелестящие травы, колючие кустарники и солнечные головы одуванчиков. Однообразная картина, ровный шаг лошадки и убаюкивающий скрип колёс...

Ольжану начало клонить в сон.

– Как же ваш отец задолжал колдуну ребёнка, госпожа Ольжана?

Она потёрла глаза. Лале спать было нельзя – значит, нужно поразвлекать его беседами.

– Как обычно. Сделал то, чего не следовало. – Она подавила зевок. – Однажды он со своими рабочими возвращался домой из Боровича. Ясека – братца – взял с собой, чтобы показать городскому лекарю. За несколько дней до этого на коже Ясека появилась странная сыпь, и никто в нашей деревне не знал, что с этим делать. – Ольжана усмехнулась. – Поговаривали, что это было проклятие.

– А это было именно оно, не так ли?

– Может, да, а может, и нет. – Ольжана пожала плечами. – Кто теперь скажет? Но в этой истории все случайности оказались Йовару на руку. Представьте.

Она сделала широкий жест.

– Вы едете по дороге, совсем как эта. Правда, лес рядом куда внушительнее, не такой плешивый. Идёт дождь – настоящая осенняя гроза. Смеркается.

– Неуютно, – заметил Лале.

– У вас маленький ребёнок и ценный груз, вы страшно торопитесь домой. Дорога скользкая, обочину развезло. Деревья гнутся от ветра, птицы беснуются. И тут в свете молний вы видите, что путь вам преграждает огромная перевёрнутая телега. Вокруг – ни души. Ни лошади, ни людей. Только вот совпадение, от дороги отходит тропка в лес. Очень завлекательно, так удобно объехать!.. Что бы вы сделали?

– Сказал бы рабочим оттащить телегу.

– Не получается, телега слишком тяжела.

– Осторожно объехал бы по обочине.

– Слишком узко и скользко.

– Это вам так отец рассказал? – усмехнулся Лале. – Хорошо. Тогда я бы повернул назад, остановился на ночлег в ближайшем местечке и утром отыскал бы помощников, способных расчистить дорогу.

Ольжана закатила глаза.

– Вы слишком умный. Правильный ответ – разругаться с рабочими, вскочить на коня и поехать вместе с ребёнком в лес, о котором ходит дурная слава.

Лале досадливо прищёлкнул.

– Что-то я не сообразил.

Ольжана молча развела руками. Вот так, мол.

– Тогда мой отец был ненамного младше вас. Это сейчас он осторожен и боязлив, а раньше был деловито-бесшабашен. Он посчитал: чем быстрее доберётся домой, тем лучше для Ясека. А даже если это всё – ловушка разбойников из чащи, он объедет дорогу по кромке леса и вглубь не полезет. Но когда он ступил на тропу, его жизнь уже ему не принадлежала.

Лале перехватил поводья. Нахмурившись, он повернулся к Ольжане.

– Разве ваш бывший мастер не пленён Драга Ложей в своём лесу? Как он сумел устроить ловушку и наслать сыпь на вашего брата?

– А ученики ему на что? – Ольжана хмыкнула. – Хранко тогда было шестнадцать. Вполне по силам.

– О. – Лале кивнул. – Даже так.

– Да и вообще... Вы знаете про Нимхе? Чародейка Драга Ложи, глава уничтоженного Двора Теней.

Лале качнул плечом.

– Кое-что слышал.

– Однажды остальные чародеи Драга Ложи – кроме Йовара, к слову, – решили её низвергнуть. Они заковали её в двенадцать цепей из чёрного железа и заточили в её же владениях, подземных хорах. Из-за того что чародеи Драга Ложи связаны договором, они не могут убить друг друга никаким из способов, с ничьей помощью.

– Удобно.

– Да, чтобы не перегрызлись, как крысы. К чему это я... Я слышала, будто Нимхе была так сильна, что могла колдовать, даже закованная в ваше железо. – («Моё», – повторил Лале со смешком.) – Немного, но могла. Её владения были недалеко от Чернолесья, вот слухи и ходили.

Ольжана зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Вдруг и Йовар способен сам заманивать в свои сети.

Она потянулась.

– Лале, вы очень обидитесь, если я перестану трещать вам на ухо? Сил нет как хочу спать.

Лале улыбнулся краем губ.

– Ступайте спокойно.

Ольжана скользнула внутрь кибитки и задёрнула полог.

Стоило остаться одной, как вся весёлость схлынула, будто и не было никогда. Ольжана глубоко вздохнула и обняла себя руками. Ужасно захотелось вытянуть из света, пробивающегося через щёлочки в пологе, чародейский огонь – но нет, убедила она себя. Незачем колдовать лишний раз.

Ольжана вытянулась на скамье. Дождь стучал по крыше кибитки, из полутьмы выступали очертания вещей Лале – мешков, вязанок, коробов с книгами. Стоял прежний запах бумаги и трав. Может, ей следовало попросить у Лале успокаивающий отвар? Насколько могут успокоить травы, если по следу идёт чудовище?

«Трусливая девка, – одёрнула себя Ольжана. – Ты видела Сущность всего один раз, и вся трясёшься как осиновый лист. Тебя возят по господарствам – может, ты никогда больше и не встретишь эту тварь. Тем, кто попадаетея Сущности на пути, везёт меньше».

Где оно сейчас, чудовище? Спит ли оно при свете дня? Всегда ли бросается на случайных встречах? Есть ли у него слабое место?

Кто его, в конце концов, создал?

Ольжана закрыла глаза. Нужно спать, а не думать.

Скрипели колёса. Тихонько позвякивала посуда. Покачивался башильерский мечик, неплотно прибитый к стене – к счастью, противоположной. Но Ольжана всё равно настороженно разглядывала его до тех пор, пока не провалилась в сон.

Проснулась она от звука чужих голосов.

Кибитка стояла на месте, дождь по-прежнему накрапывал по крыше. Ольжана резко села и подтянула к груди косынку, сползшую с волос.

Полог распахнули, и в глаза ударил свет.

– Тю-ю, монах, что это ты тут прячешь? – В кибитку заглянул мужчина. – Надо же, какое сокровище. Поделишься?

Ольжана обмерла и смяла косынку в руке.

– Вы не можете её трогать. – Голос Лале. – Я везу эту женщину...

Мужчина – крепкий, бритоголовый – похабно усмехнулся.

– А разве тебе можно возить женщин, монах? – Он подмигнул Ольжане. – Скучно тебе с ним, красавица? Ну ничего, с нами развеешься.

За его спиной захохотали.

Глаза Ольжаны привыкли к свету. Она увидела, что незнакомцев было трое – все на конях, но спешился только бритоголовый. Второй мужчина – темноволосый и коренастый. Третий – худой, с лицом в оспинах.

Лале стоял рядом с кибиткой. Угрюмый и настороженный, он сжимал ладанку на груди.

Ольжана медленно выдохнула. У всех троих на поясах висели мечи. Глупо надеяться, что они не умеют с ними обращаться.

– Ну, давай. – Бритоголовый поманил её пальцем. – Иди сюда.

Ольжана не шелохнулась.

С одним крепким мужчиной она ещё худо-бедно бы справилась, но с тремя? Нет, на такое у неё не хватит сил. Первым порывом было перекинуться через косынку, пока не выволокли, – но что делать Лале? Она улетит, а что сотворят с ним?

Да и улетит ли? Опытный воин поймает её даже в птичьем теле.

– Вы не можете её тронуть, – сказал Лале.

Темноволосый присвистнул:

– Да что ты?

Бритоголовый выпрямился в полный рост, заулыбался.

– Мы – люди Рехора, господаря мазарьского. Слыхал о таком? Мы следим, чтобы на наших границах всё было мирно и по закону. По какому же закону монахи могут прятать от нас девок в кибитке?

Ах вот оно что, поняла Ольжана, накручивая косынку на запястье. Судя по оружию и коням – псы господаря, но одежда поношенная, многократно перечиненная. Значит, люди маленькие. Не хватает хлеба с господаревых рук – бесчинствуют как могут.

Лале спокойно смотрел на бритоголового, но пальцы, сжатые на ладанке, выдавали его тревогу.

– Раз прикрываетесь именем господаря, подумайте, как ему аукнутся ваши дела. – Лале чуть скривился. – Я башильер. Нужно ли вашему господарю ссориться с моим орденом?

– Ай-яй, где же твои братья, монах? – Бритоголовый огляделся. – Кажется, ты один. А может, золотишко твоего ордена осело и в твоих кошельках, а?

Темноволосый засмеялся, похлопал коня по шее.

– Развелось тут вас, иофатских выроdkов. Наш господарь будет рад, если вас поубавится.

Ольжана опустила руки на скамью. Если и колдовать, то без лишних движений – чтобы не признали в ней ведьму. Иначе единственное, что она себе наколдует, – петля на первом же суку. Но что она может сделать незаметно, чтобы спастись самой и не подставить Лале?

Бритоголовый потянулся к кибитке.

– Не трогай, – Лале сузил глаза, – если не хочешь навлечь беду на себя и своих товарищей.

Эта женщина больна.

Темноволосый загоготал.

– А тебе, хромоту, и такая сгодится, да? Захапал себе и радуешься?

По лицу Лале пробежала судорога, но, когда он вновь обратился к бритому, его голос звучал ровно и вкрадчиво.

– У этой женщины заразная хворь, и я везу её в прецепторию своего ордена в Кубрете. – Он вытащил из поясной сумки лист и протянул бритому. – Бумага от настоятеля, брата Клода, милостью Дланей протектора ордена башильеров и доверенного лица великого гроссмейстера Гильбэ. Хворь этой женщины стубила её ребёнка и мужа. О похожей говорят в разных землях Вольных господарств, и сейчас я везу эту несчастную, чтобы представить своим братьям. Если так будет угодно небу, они найдут лекарство.

Темноволосый послал своего коня к кибитке, наклонился с седла.

– Твоя баба не выглядит заразной, – заметил он.

Он осматривал её так жадно, что Ольжану затошнило. Но она по-прежнему молчала и не двигалась.

– Ты не лекарь и не знаешь, что не все заразы оставляют следы на коже. Болезнь повредила этой женщине разум. Она лишила её речи.

Как скажешь, подумала Ольжана. Значит, будет молчать.

– О-о. – Темноволосый ощерился, показал в смешке гниловатые зубы. – Так она ещё и немая? Ну что за прелесть.

Наконец-то подал голос третий – худой, со скорбным лицом.

– Что за хворь? – спросил он обеспокоенно. – Я о ней не слышал.

– Ещё услышишь, если нас не отпустят с миром. Да и неужели ты не знаешь, как пару лун назад слегла деревня вверх по течению Кишны?

– Не знаю, – ответил худой. – Что с ними?

– Похоже на беду этой женщины. Сначала отнимается речь, потом мутнеет рассудок, начинаются судороги. – Лале добавил мягко: – Я бы посоветовал вам закрыть полог. В моей кибитке много целебных трав, но поверьте, лучше бы вам держаться подальше.

Бритый, нахохлившись, всё вертел в руках бумагу.

– Что за бесовщину ты мне подсунул? – Он смял бумагу и брезгливо отбросил. – Я не могу разобрать ни слова.

Лале равнодушно проследил, как комок упал в грязь.

– Вероятно, потому что ты не умеешь читать по-иофатски.

– Вероятно, – бритый осклабился, – потому что ты врешь.

Ольжана шумно задышала, упершись руками в скамью. Её трясло – может, это сделает ложь Лале более правдоподобной.

Учись она лучше, сотворила бы искусное колдовство без единого жеста, но так лишь призвала ветер посильнее. Полог кибитки закачался. Потянуло холодом. Редкие капли дождя завертелись в воздухе.

– Думаешь, – бритый двинулся на Лале, – ты сможешь провести нас такой глупой байкой? Хочешь и дальше один тискаться со своей девкой, кривая ты морда?

Он был выше Лале, крупнее, и казалось, мог убить его и не поморщиться. Ольжана сгорбилась и надавила на скамью до боли.

Худой поёжился от пронизывающего ветра, поплотнее закутался в плащ.

Лале пожал плечами.

– Ну так попробуй. – Он качнул головой. – Залезь в кибитку и сотвори с этой женщиной всё что хочешь. Но не удивляйся, если потом будешь биться в припадках. И если принесёшь эту хворь своей жене и детям – не знаю, есть ли они у кого-нибудь из вас.

Он обвёл незнакомцев взглядом.

– Сначала, – снова бритому, скучнейшим из голосов, – ты потеряешь речь, потом – слух. В конце концов твои глаза лопнут, если сам не выпарапаешь их от боли. Видишь, даже я не подхожу к открытой кибитке ближе чем на несколько шагов – а я лечил столько заразных больных, сколько тебе и не снилось.

Бритый шумно выдохнул, как бык.

– Слишком высокая цена за потакание телесным слабостям, – заметил Лале.

– Жавора бы с ними, – посоветовал худой, перебирая поводья. – Идём, Винк.

– Только яйца морозить, – буркнул темноволосый. И выдал солёную шутку про то, в какой из ближайших таверн – и как – следует согреться.

Винк молчал.

Убирайтесь, выдохнула Ольжана мысленно. Чего вы ждёте?

Её пальцы дрожали от напряжения. Поднявшийся ветер гнул травы, шелестел кронами деревьев.

– Чтоб ты подох со своей девкой, – сплюнул Винк, багровея.

Он шагнул к Лале и ударил его наотмашь.

Ольжана прикусила губу, чтобы не издать ни звука. Лале покачнулся, и Винк, ухватив его за плечо, швырнул наземь. Ударил снова – кулаком в лицо, ногой в живот. Но потом отошёл и, отдышавшись, грязно выругался. Вспрыгнул на коня, хлестнул поводьями.

Когда цокот копыт затих, Ольжана разжала пальцы и выпрыгнула из кибитки. Наклонилась к Лале, помогла ему подняться.

Ей столько хотелось сказать, но она боялась сделать хуже своими причитаниями. Поэтому, подхватив его под руку, спросила просто:

– Вы как?

Лале опёрся на неё, вытер кровь из разбитого носа.

– В порядке.

Вместе они забрались в кибитку, и Ольжана задёрнула полог. Наворожила вихрастый солнечный огонь – тот спрыгнул с её ладони и повис в воздухе.

– О красноречии у башильеров тоже написан трактат?

– Бросьте. – Лале потрогал складку над губой, потёр окровавленные пальцы. – Красноречивые по лицу не получают.

С его подсказки Ольжана разыскала нужные склянки и тканевые лоскуты, сделала кровоостанавливающие примочки. Лале сидел, согнувшись. Придерживаясь за живот, он восстанавливал дыхание.

– Извините меня, – произнесла Ольжана хрипло. – Я должна была вам помочь, но не знала, как именно.

Она в сердцах сжала лоскут.

– Восемь лет при одном из сильнейших колдунов Вольных господарств – и не сумею справиться с тремя ублюдками на дороге.

Ольжана понимала, что трое противников – это много. Далеко не каждый взрослый ученик Драга Ложи справился бы, оказавшись на её месте, но ей стало так гадко и горько из-за себя, что захотелось кричать.

Глаза Лале в свете чародейского огня были внимательными и усталыми.

– Перестаньте. – Он погладил ухо, задетое первым ударом. – Спасибо, что не обернулись и не улетели. Пришлось бы оправдываться, почему я вёз несвязанную ведьму. Неизвестно, до кого бы из башильеров это дошло.

Он поднёс примочку к ноздрям.

– Ветер – ваша работа?

– Да. – Ольжана стиснула руки и добавила: – Мне очень жаль.

– Да ладно вам. – Он дёрнул плечом. – Меня же не впервые бьют.

Ольжана закупорила склянку.

– Ваш лист, который выбросили... Там было что-то важное?

– А. – Лале отмахнулся. – Письмо от приятеля, не берите в голову. – Указал на огонь. – Главное, чтобы эти, как вы выразились, ублюдки не вернулись. Давайте зажжём лампу от греха подальше.

Лампа у Лале тоже нашлась – медная, с искусной витиеватой резьбой. В сказках с картинками, которые Ольжана читала младшим ученикам Йовара, из таких появлялись джинны.

Она взяла лампу и перебросила в неё огонь.

– Сами-то как? Сильно испугались?

– Ну как сказать... – Ольжана погладила выпуклый медный бочок. – Испугалась так, будто мы с вами встретили трёх верзил, которые хотели ограбить вас и изнасиловать меня.

Лале криво улыбнулся, убрал лоскуты от ноздрей. Промокнул, прижал снова. Осторожно потрогал горбинку на носу.

– Сломан? – спросила Ольжана.

– Кто ж знает. Но дышать могу.

Лале ощупывал губы – видно, на них тоже пришёлся удар, – а на Ольжану вдруг накатила такая нежность, что ей захотелось взять Лале за руку.

– Вы умница, – сказала она.

Лале хмыкнул, посмотрел мрачно.

– Да, повалился в грязи и выслушал оскорбления от выроdkов.

– Это не делает вас хуже. – Ольжана наклонилась вперёд. – Как вы говорили! Так спокойно и убедительно, что я сама бы поверила.

– Вы мне льстите.

Лале чувствовал себя неважно. Уязвлённая гордость не прибавляла ему веселья, и Ольжана решила, что похвала не повредит.

– Даже в мыслях не было, – сказала она восхищённо. – Вы так хитро всё придумали. А письмо от настоятеля? Чудо, а не ход. И выдержка у вас железная.

– Да хватит вам. Окажись они смекалистее, никогда бы мне не поверили.

Лале отвернулся, но было видно, что ему приятно.

– Ещё немного, и поедем.

Ольжана кивнула, бережно перехватила лампу. Лале снова согнулся и замер.

– Если хотите, – проговорил он, глядя в пол, – можете потушить.

– Нет, спасибо.

Не скажешь ведь ему, что она боится темноты столько, сколько себя помнит, а после той ночи в Стоегосте страх стал неуправляем. И что огонь, пляшущий на медном носике, отвлекал её от дурных мыслей.

Масло приятно потрескивало в лампе. Лале переводил дух, а Ольжана освещала уголки его кибитки – тяжёлую ткань пологov, вязанки на стенах, тощие подушечки на скамьях...

Зло боится света и прячется в тени.

Там, где свет, нет чудовищ. Ни четырёхлапых, ни двуногих. Ольжана убедила себя в этом много лет назад, когда ей приходилось искать тропы в Чернолесье.

Она провела рукой над огнём, и тот, доверчиво потянувшись, лизнул её пальцы.

Глава V. Соль и серебро

Бойя зажигала свечи в большой трапезной. Вручную, от лучины.

– Не хочешь помочь? – Она взглянула на Чарну. – Всё равно ничего не делаешь.

Чарна выдохнула. Поднялась со скамьи, ухватила свечу и сжала фитиль пальцами.

– Ну конечно. – Бойя скривилась. – Куда уж таким великим колдуньям, как ты, зажигать обычный огонь.

Чарна промолчала и вернула свечу на стол. Взяла следующую. Мельком посмотрела на Бойю, машущую лучинкой, – если она взялась зажигать огонь без колдовства, надеясь успокоиться, то у неё ничего не выходило.

Бойя была одета в своё любимое платье, вересковое, с белым передником. Она всегда хорошо одевалась, но этому платью Чарна завидовала особенно – Хранко привёз для него ткань чуть ли не из Тачераты, вотчины пана Авро, города масочников и карнавалов. Юбки Бойя шила вместе с Букарицей и Ольжаной, самую верхнюю приподнимала и закалывала по бокам, чтобы не мешалась. Ткань лежала на бёдрах красивыми складками. Так бёдра Бойи казались ещё круче, и это-то при удивительно тонкой талии и маленькой груди. Поэтому фигурой Бойя напоминала хорошенькую статуэтку.

Чарна фыркнула и отвернулась.

Бойя потушила лучинку и в сердцах ударила по столу.

– Иофатская сука, – процедила она. – С чего она вообще решила, что это Йовар?

Чарна не сразу сообразила, о ком разговор.

– Если она уверена, что чудовище сотворил чародей Драга Ложи, пусть вспомнит, как её ненавидит Грацек. – Бойя сломала лучинку. – Сидит в своём горном замке и только и думает, как по квитаться с ней за всё, что она сделала. А пан Авро? Может, не такой он уж ей и друг, как она считает? – Царапнула ногтями о стол. – Или один из господарей призвал на помощь заморских чародеев, чтобы её приструнить. Уверена, эта стерва у многих стоит поперёк горла.

– Почему иофатская-то?

Бойя будто только вспомнила, что она здесь не одна. Овернулась, смерила Чарну удивлённо-насмешливым взглядом.

– Потому что она иофатка.

Чарна пожала плечами.

– «Кажимера» звучит как господарское имя.

– Ты шутишь? – Бойя присела на край стола, скрестила руки на груди. – Её настоящее имя – Крунхильд. Кажимерой её стали называть только после того, как выдали замуж за юного господаря, который недолго-то и прожил после свадьбы. Говорят, у неё до сих пор жуткое иофатское произношение.

Чарна нахмурилась.

– Как самая могущественная колдунья Вольных господарств может быть чужеземкой?

– Хороший вопрос. – Бойя усмехнулась. – И не просто чужеземкой, а иофатской королевной, двоюродной племянницей одного из их прежних королей. Ты живёшь здесь столько лет и до сих пор об этом не знаешь?

– Я не Ольжана, чтобы меня так занимала жизнь госпожи Кажимеры.

Бойя сузила глаза.

– Да что ты. А что тебя занимает? Песни о льёттских конунгах?

Чарна помолчала. Медленно заправила за ухо прядь волос.

– Перестань на меня срываться.

– Далась ты мне, – хмыкнула Бойя. – Просто следи за языком и не говори о том, что не твоего ума дело.

Чарна смотрела исподлюбя.

– Ольжана предала и мой двор тоже. Могу говорить сколько хочу. – Она оттянула рукав синего льняного платья. – А вот тебе стоило бы поостеречься. Йовар не очень доволен тобой с тех пор, как ты помогла Ольжане бежать.

Она обняла себя за плечи. Если бы Бойя не начала цепляться к ней, она бы промолчала, но сейчас...

– Дура, – обронила Бойя холодно. – Я ей не помогала.

– Но наверняка знала о её намерениях. Может, она и не говорила тебе прямо, но намекала. Я права? – Чарна смотрела не мигая. – Когда она пропала, что-то ты не бросилась её искать, как Юрген.

Сказала и осеклась. Тут же представила, что Бойя могла ей ответить – передразнить её тихое «Юрген» или рассмеяться, мол, сильно тебя задело, что он бросился искать Ольжану?.. Но Бойя только закатила глаза и отошла от стола.

Распахнулось окно. За ставнями догорал красный закат, тянуло прохладой и травяным запахами. Захлопав крыльями, в трапезную влетел ворон – кувыркнулся, ударился об пол.

Бойя слабо улыбнулась:

– Дверь с другой стороны.

Хранко отряхнулся, провёл рукой по волосам. Бойя села на скамью и постучала по месту рядом.

– Что слышно?

– Ничего нового. – Хранко сел подле неё, согнулся. – Сейчас Йовар придёт.

Бойя положила голову ему на плечо.

Чарна снова фыркнула. Она не слишком любила Хранко: деревенский мальчик, такой же, как и остальные здесь, а строил из себя надменного королевича. Но они с Бойей очень друг другу подходили – так, что Чарна не могла смотреть на них, не скривившись.

Сбежавший от мельника сирота-подмастерье и нелюбимая падчерица, которую мачеха чуть не сжила со свету, – ну чем не пара?

– Нас убьют, как учеников Нимхе? – спросила Бойя.

– Нет, что ты. – Хранко сжал её руку. – Мы не делали того же, что они. Не ловили и не обескровливали крестьян, чтобы влить их силу в чудовищ. Не насылали мор на деревни. Мы вообще благовоспитанные тихони.

– Да, но как доказать это Драга Ложе?

– Вы что, серьёзно? – Чарна захлопнула окно. – Мы, ученики одного из сильнейших колдунов, должны бояться, что о нас подумает старуха-иофатка? Пусть сама потрудится доказать Драга Ложе, что мы в чём-то виноваты.

Бойя усмехнулась.

– Приятно, что ты закрепляешь новые знания о её происхождении.

– Старуха? – переспросил Хранко. – Ты в своём уме? Лет ей не больше, чем Йовару, и что бы мы о ней ни думали, она – самая опасная женщина Вольных господарств. Её слово имеет вес и в Драга Ложе, и за её пределами. К тому же её чаяниями Йовара уже ограничили в правах.

– Гадина. – Бойя выпрямилась и сжала кулаки. – Не удивлюсь, если она сама создала это чудовище.

Чарна не успела ответить: Якоб пихнул дверь плечом. Вошёл сам – разлохмаченный, шумный; за ним тянулись голоса.

– О чём спорят? – спросила Бойя.

– А. – Якоб махнул ручищей. – Юрген собрался уезжать. Хочет вынюхать, что за бесовщина происходит.

– Духи. – Хранко страдальчески закатил глаза. – Только этого не хватало.

– ...сидишь здесь, ясно? – грохотал Йовар. Он появился и будто заполнил собой всю трапезную. – Нечего тебе там делать.

По сравнению с ним Юрген вдруг показался совсем хрупким. Поджарый, ладно скроенный, точно светящийся изнутри. Посмотришь на него и подумаешь, что ребёнка, из которого вырос такой юноша, могла оставить в лесу лишь несчастная северная королева, убегающая от преследователей. Иначе и быть не могло. Юрген казался Чарне сказочным и нездешним – таких не рожают и не бросают в чаще обычные крестьянки, пытаясь избавиться от лишнего рта или надеясь скрыть грех.

Воспитанный Йоваром и его учениками, Юрген считал себя господарцем. Но Чарна думала, что по рождению он – светловолосый и голубоглазый – мог быть и льёттом.

– А что ты предлагаешь? – Юрген скрестил руки. – Просто сидеть и ждать, когда под нашими окнами объявится Драга Ложа?

Они продолжили спорить. Чарна, слушая через слово, сгорбилась и села в угол. Угроза не казалась ей настоящей – неужели есть что-то, с чем бы не справился их учитель?.. Он ни в чём не виноват, так чего бояться?

– Мы больше не можем оставаться оторванными от мира. – Теперь Юрген яростно жестикулировал. – Нужно разобраться, что происходит.

Йовар сидел на скамье, подперев лоб рукой.

– Хранко пошлёт воронов.

– А толку? – Юрген насупился. – Он и сейчас их посылает, но мы не понимаем и половины. Его вороны даже Ольжану найти не смогли.

– Неправда, – ошетинился Хранко. – Я всё-таки её нашёл. Не сразу, да... через несколько месяцев после её побега... Но она напустила мороки на глаза моих воронов, и из-за неё мне пришлось лечить своих лучших птиц.

– Лучше уж я увижу всё своими глазами и передам вам. – Юрген зашагал по трапезной. – Из кожи вон вылезу, но добуду для вас новости – так вы поймёте, чего ждать от Драга Ложи. Отправлюсь в Стоегост и разузнаю, что произошло. Отыщу Ольжану и спрошу её.

Хранко хмыкнул.

– Ума палата, Юрген. Ученицы Кажимеры сказали, что за ней охотится чудище. Не лучшая мысль – искать её.

– И всё же я поеду...

– Никуда ты не поедешь, – осадил Йовар. Он снова начал закипать. – Не пудри мне мозги. Сядь, не мельтеши.

Юрген остановился напротив, но не сел.

– В тереме запрёшь? – спросил он хмуро. – Прикажешь пущевикам не пускать меня со двора?

– Довольно. – Глаза Йовара полыхнули. – Не выводите меня.

Юрген чуть наклонился.

– Я всё равно уеду, и ты об этом знаешь. Более того, ты сам меня отпустишь, потому что ты умный человек и понимаешь, что я говорю верно.

Так переговариваться с Йоваром мог только Юрген. Казалось, он никогда не боялся учителя – а в гневе Йовар был страшен. Не стеснялся в выражениях, швырял и ломал вещи, колдовал так, что всё Чернолесье ходило ходуном.

Поначалу Йовар опешил. Побледнел, побагровел, тяжело поднялся с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.